

Дарья Калинина

Дайвинг для крокодила

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Сыщицы-любительницы Кира и Леся

Дарья Калинина

Дайвинг для крокодила

«ЭКСМО»

Калинина Д. А.

Дайвинг для крокодила / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
— (Сыщицы-любительницы Кира и Леся)

Жизнь после смерти есть, и она очень беспокойна! Если не для умершего, то для его наследников. Правда, и сам почивший Лаврентий накуролесил немало. Завещал свой дом сестре, обещал его родной внучке, а в результате продал чужим людям. Так что новые владельцы домика вместе с обиженными родственниками готовы распилить стены и прилегающий участок на кусочки. К тому же где-то здесь спрятан клад – кошмарная на вид маска из чистого золота, приносящая несчастье каждому, кто до нее дотрагивается. За раритетом охотятся все, кому не лень, грызясь между собой, как крокодилы. Однако золотое чудище действительно приносит беду: дальний родственник Лавра убит, сестра в больнице. Сыщицы-любительницы Леся и Кира пообещали сестре Лаврентия найти маску и спасти человечество от зла...

© Калинина Д. А.

© Эксмо

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	34
Глава пятая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарья Калинина

Дайвинг для крокодила

Войска маршировали по улицам разгромленного городка дружными колоннами. Местные жители, которые не успели удрать к родственникам или погибнуть от бомбежек, выбрались на улицы, чтобы посмотреть на небритые солдатские лица. Цветов в воздух не бросали, от радости не визжали, но и жгучей ненависти ни на одном лице написано не было.

Шли обычные люди, измотанные войной до последней степени. Жители все понимали – война есть война. Кто-то на ней обязательно должен был проиграть, кто-то выиграть. Ну, так получилось, что мы на этот раз проиграли, они выиграли. Это не значит, что наши ребята сражались хуже. Просто у этих русских закалка оказалась покрепче.

И что теперь? Да ничего. Особого ужаса их будущее этим людям не внушало. Каждый думал о том, что в любом случае все самое худшее осталось позади. Голод, бомбежки, разруха и болезни. Все это в прошлом. Теперь дома восстановят, сады посадят вновь, и жизнь постепенно войдет в мирное русло.

Да, думали они, глядя на марширующих по их родным улицам русских солдат, мы проиграли. Обидно, конечно. Но обидно как-то вообще, за всю страну в целом. И при этом в голове у каждого крутилась крамольная мыслишка. Да, Германия проиграла, но зато я-то сам, безусловно, выиграл в этой войне. Ведь я остался жив. А это самое важное. А раз мы выжили, то еще поживем и посмотрим, что там будет дальше. Потому что всем было ясно: худшего зла, чем пронесшаяся по ним война, уже не будет.

Русские солдаты думали о другом. Вот еще один маленький европейский городок. Чужие, незнакомые лица. Чужие улицы. Чужие дома. Даже сейчас, разрушенные и разбитые, они хранили черты былого благополучия. Солдатам, многие из которых до сих пор ничего, кроме родного села или райцентра, в глаза не видели, все было очень любопытно. И они с интересом смотрели по сторонам. И при первой же возможности разбрелись по городу.

Два приятеля отбились от остальных. Город был совсем тихий. Без подвоха. Врага отсюда давно и основательно выбили. И солдаты ничем не рисковали, бродя по развалинам. Во всяком случае, не больше и не меньше, чем каждый день своей службы.

– Ну и домина! – произнес первый солдат.

У него было простое деревенское лицо. Круглые щеки надвигались на маленькие плутоватые глазки, почти топя их. Даже скудный солдатский паек не сумел отнять у этих щек их округлость. Его товарищ являл собой другой тип: сухой, подвижный, в круглых очках, на одном стеклышке которых появилась трещина. Но очки служили, и ладно. Черты лица у него были правильные, а очки являлись как бы дополнением к ним.

– Что бы ты понимал! – воскликнул он. – Это не просто дом. Это музей!

– Эх! – вздохнул первый. – Такие хоромы разрушили! Как думаешь, наши постарались?

– Мы бомбили только склады с оружием, – покачал головой второй солдат. – И казармы. А музей от них далеко. Совсем в другой стороне города.

– Тогда кто же уничтожил его?

– Сами фрицы и взорвали. Что подороже, то вывезли. А что не смогли увезти, уничтожили.

– Вот гады! – искренне расстроился первый парень. – И что за натура такая у фрицев?! Ни себе ни людям.

– А ты бы как на их месте поступил?

– Как? Ну, не знаю. Не их ведь это все было! Наверняка у нас же награбили. Или у поляков с чехами. И сюда свезли. Не свое, так зачем же уничтожать?!

Солдаты довольно долго бродили по развалинам, ворочая тяжелые камни. Сегодня они оба были в увольнительной. Весь их взвод получил целый выходной день. И никто не запрещал им проводить его так, как им того хотелось. Бывшее здание музея располагалось в красивом месте. И хотя само оно было уничтожено, но возле него оставался нетронутый парк. С чистым озером, обсаженным живописно подстриженными деревьями.

– Красота-то какая вокруг... – вздохнул первый солдат. Потом осмотрелся и вдруг закричал: – Эй, а чего это там блестит?!

Оба парня устремились к блестящему предмету. Они откинули несколько камней. Разгребли осколки стекла. И из руин появилась золотая маска. Но это было не человеческое лицо, а скорей морда какого-то невиданного зверя – клыки, четыре глаза, а вместо волос змеи.

– Жуть! – восхищенно пробормотал первый парень.

И не успел товарищ его остановить, как он нацепил маску на себя.

– Ну, как? Идет мне?

– Ага!

И первый парень запрыгал по развалинам.

– Я – урод! – вопил он, дрыгая руками и ногами. – Я жуткий урод! Я живу в самом сердце Черной Африки! У меня есть маска! Она золотая!

Второй смотрел на дурачества друга со смешанным чувством веселья и тревоги.

– Осторожней ты! – не выдержал он наконец. – Эти сволочи могли тут мин понаставить нам в подарок!

– Какие мины! – веселился первый. – Победа, друг!

Он прыгнул еще раз. А потом... Потом из-под его ног взлетел фонтан земли, камней и огня!

– Ёк! – бросился на землю второй солдат.

Но за первым взрывом ничего не последовало. Тишина. Оглушающая тишина. Второй парень поднял голову и тоскливо, уже зная, что никто ему не ответит, закричал:

– Вася-а-а-а!!!

Вася молчал. От его тела не осталось даже клочка. Все разлетелось на mine. Второй солдат, шатаясь и почти не видя ничего вокруг себя, очки запотели от слез, побрел к тому месту, где только что плясал его друг.

– Васька! – бормотал он себе под нос. – Васька! Да ты что! Победа ведь уже! Всю войну вместе... И тут на тебе! Васька, Берлин в трех шагах! Как же ты так?

Внезапно он споткнулся обо что-то. Посмотрел себе под ноги и вскрикнул. На земле лежала Васькина рука. Отделенная от туловища, в пальцах она все еще сжимала золотую маску неведомого уroda.

– Васька! – упал на колени солдат. – Друг! Как же так, а?

И словно в ответ на его слезы пальцы разжались, и маска выпала из мертвой руки. Прямо к ногам солдата.

– Я понял! – прошептал он. – Я все понял, Василь! Возьму ее себе на память!

И, выпрямившись, он засунул испачканную кровью друга маску за пазуху. И, чувствуя, что она вроде бы стала горячее, произнес:

– Прощай, друг! Я тебя не забуду!

Маска, лежащая у его сердца, словно вздрогнула в этот момент, и от нее пошла пульсация, распространяющаяся по телу солдата. Но человек был слишком подавлен случившимся с его другом несчастьем, чтобы обратить на это внимание.

– Прощай! Прощай!

Пошатываясь и оступаясь на выскальзывающих у него из-под ног камнях, он побрел в ту сторону, где расквартировалась его рота. Он должен был сообщить о несчастье с одним из бойцов. И добиться, чтобы его останки были бы найдены и похоронены как надлежит.

Глава первая

Все нормальные люди летом отдыхают! По этой неписаной истине живет вся огромная Россия. Лето – это для всех один огромный отпуск. И мысль о том, что летом можно или нужно работать, любой житель России воспринимает как кощунственную. Лето создано для отдыха, и все тут! И если у сельских жителей еще есть сомнения на этот счет, то жители мегаполисов, а таких в России немало, считают: лето надо для отдыха.

Кира с Лесей не были исключением. Хотя бы в свои законные выходные субботу и воскресенье нужно ехать за город, на природу, на озеро, на речку. В любое место, где есть зелень и вода. А если идет дождь – чтобы не было так обидно. Все-таки гулять в дождь приятней вдоль живописной реки, а не по болоту или асфальту.

Основная проблема заключалась в том, что уехать далеко и надолго из родного города летом подруги не могли. Почему? Бизнес не пускал. Они являлись совладелицами туристического агентства. И лето у них – самый сезон, за счет которого они кормились весь год.

– Итак, дальние курорты нам не подходят, – разглагольствовала Кира, устроившись в шезлонге на собственном балконе и с отвращением созерцая залитый ярким солнцем двор.

Сплошной бетон и кирпич. Несколько кленов и клумба в центре двора на кусочке земли, с трудом отвоеванном у автовладельцев, дела не спасали. Было все равно отвратительно жарко, душно и пыльно. Как и полагается быть в жару в городе.

– Ближние курорты нам тоже не подходят, – произнесла Леся, отпивая из высокого стакана глоток ледяного чая с лимоном. – Слишком разорительно.

В стакане звякнули кубики льда, заставив Киру поморщиться. Лед – это такая малость. Минута – и он растает без следа. И жара навалится с новой силой.

– А за городом сейчас благодать! – мечтательно произнесла Леся. – Лежишь себе на травке. Вокруг деревья, птички поют, водичка журчит. Да, Кира?

– Мы были за городом вчера днем.

– Ага! Сначала три часа парились в пробках по дороге туда, потом час искали место, где бы приткнуться на стоянке. А потом еще час расчищали землю от пустых бутылок, банок и прочей дряни. Разок искупнулись и сразу назад!

– Да уж. И это мы были на машине. А представь себе, каково людям на электричке!

– Все равно. В пробке на трассе я чуть не расплавилась!

И подруги снова сделали по глотку прохладного освежающего чая. Сахар почти не чувствовался, лимонный сок перебил сладость. А черный чай придал напитку необходимую терпкость. И внезапно Киру осенило! Наверное, это чай так хорошо тонизировал ее умственную деятельность.

– Нам нужна дача! – воскликнула она.

Леся, которая в этот момент как раз выловила подтаявший кубик льда и самозабвенно грызла его, поперхнулась и закашлялась.

– С ума сошла! – произнесла она наконец. – На какие шиши мы купим эту дачу? Ты же не хуже меня знаешь, что недвижимость сейчас взлетела в цене до небес. За жалкий сарайчик и кусок земли в шесть соток просят по десять тысяч долларов. И это минимум. Минимальный минимум.

И, справившись с кубиком льда, она продолжила возмущаться:

– Спартанские условия. Да что там спартанские! Спартам такие условия и в кошмарном сне бы не приснились. Сарай будет из фанеры, с одной комнатой в девять квадратных метров. Она же кухня, она же спальня, она же столовая. Без печки, без электричества, без воды!

– Какая разница! Главное, чтобы было, где переночевать.

– Все равно ужасно!

– Тогда можно дом не купить, а просто снять!

Леся приподнялась на локте. Идея подружки ее заинтересовала.

– Снять? Другими словами, арендовать?

– Называй это как хочешь, суть одна. Мы снимаем домик у хозяев. Платим им за летний период. И живем в доме, пользуясь всеми благами: садом, огородом, речкой и всем, что там найдется поблизости!

У Леся даже дар речи отнялся от восторга.

– Супер! – выдохнула она наконец. – А когда? А как? А у кого?

На все эти вопросы у Киры пока что не было четких ответов. Но она не сомневалась, что стоит поискать, и нужные ответы найдутся. А за ними следом и домик. Не может не найтись. Кира уже даже его видела. Он был небольшим (зачем им с Лесей вдвоем большой дом), но обязательно уютным. Внутри волшебным пахнет деревом. Облицованная белой плиткой большая теплая печь и непременно просторная кухня с миленьким гарнитуром.

Домик будет выкрашен в желтый или темно-красный цвет. А оконные рамы в белый. Перед домом разбит цветник, в котором растут разные неприхотливые многолетние цветочки. В свободное время подружки будут выпалывать сорняки и поливать свои цветы. Ну а если забудут или не найдут для цветов время, то и так сойдет.

Под окнами плодовые деревья, густо обвешанные созревающими плодами. По стене дома вьется плющ и дикий виноград. А ворота очень красивые, с ажурным литьем. Кроме того, при доме должен быть гараж или навес для машины. Ведь это несправедливо, если они с Лесей станут наслаждаться комфортом жизни на природе, а их «гольфик» будет стоять, открытый всем четырем стихиям сразу.

Ну и поблизости от дома должен находиться какой-нибудь водоем для купания. Большой и чистый. К нему ведет живописная дорога. Но не слишком длинная, чтобы не утомиться. И кроме того, неподалеку должны находиться магазины. Кира не была требовательна. И соглашалась довольствоваться обычным продуктовым, но с обширным выбором свежего мяса и рыбы.

– Ну, как тебе? – спросила она у подружки, изложив Лесе свое видение их новой дачи.

– Идеально! И чтобы от города недалеко.

– Само собой разумеется!

Однако действительность очень грубо подкорректировала планы подруг. Все дома, которые отвечали их претензиям, были либо уже сданы другим счастливицам, либо хозяева хотели за них такую непомерную арендную плату, что легче было купить собственный курятник где-нибудь в Пупышеве. Пришлось несколько снизить планку. И проехаться по тем домикам, цену на которые подружки находили для себя хотя бы приблизительно приемлемой.

Но и тут их поджидали горькие разочарования.

– Престижное место! – распространялся агент. – Ново-Токсово! Элитное садоводство. Всего сорок километров от города! Прекрасное снабжение. Озера в двух шагах! Новый дом с гаражом!

Это все он сообщил подругам по телефону. Реальность же грубо диктовала свои условия. Ехать было всего сорок километров по спидометру, но по такой разбитой дороге, что тащились они еле-еле, объезжая все крупные ямы и проваливаясь в более мелкие.

Престижное садоводство оказалось мифом. И, выйдя на балкон второго этажа, подружки увидели вокруг себя сплошные крыши домов. Ни озера, ни леса – ничего! Крыши, крыши и крыши!

– А где же озеро?

– Я вам его покажу! Потом. Осмотрим пока дом!

Агент лучился оптимизмом. А вот подружки что-то не очень.

Дом тоже не внушил девушкам уверенности, что он простоит достаточно долго. Шагая по второму этажу, подружки чувствовали, как сердце уходит у них в пятки. Того и гляди провалишься. Все тут было сделано хоть и недавно, но тят-ляп, как говорится, на соплях.

Винтовая лестница на второй этаж была до того крутой, что ноги на треугольных ступеньках можно было ставить только боком. Или ступать на носок – туда и на пятку – оттуда. Перил конструкция лестницы не предусматривала. И цепляться приходилось за стены. Забравшись в мансарду один разок из любопытства, подружки поклялись, что второй раз они сюда уже не сунутся. Нет уж, собственная жизнь им слишком дорога.

Выйдя на участок, они попытались отыскать гараж. Агент тоже старательно участвовал в поисках.

– Где же он? Должен быть. В объявлении указано, что гараж есть.

В конце концов им было признано странное помещение в цокольном этаже дома.

– Но если это гараж, то зачем тут эти бетонные глыбы? – удивилась Кира, заглянув в окошко.

Глыбы были так велики, что торчали наружу. Вытащить их можно было только с помощью трактора. Другого въезда на участок не было. Только через загроможденный гараж. Итак, «гольфик» был обречен оставаться на узкой улочке без всякой защиты.

Обойдя дом кругом, подружки попали на участок. И были неприятно поражены тем, что тут ничего не росло. Ну, совершенно ничего. Ни цветочка, ни деревца. Только пожухлая жесткая трава и три сильно попорченных мучнистой росой куста смородины. И еще безнадежно засохший крыжовник. К тому же оказалось, что участок не был даже огорожен.

– По правилам пожарной безопасности участки в нашем садоводстве между собой ничем не разделяются.

Ну, черт с ней, с оградой. Но разговор о пожаре навел подруг на одну немаловажную мысль.

– А где же колодец? – спросила Кира, вопросительно оглядываясь вокруг себя.

– Колодца нет. Садоводство на горе, какие уж тут колодцы. Колец не хватит, чтобы до воды докопаться.

– Скважина?

– Тоже нет. Дорого. Да и не на всяком участке есть водная жила.

– Тогда как же? – растерялись девушки. – Летний водопровод? Поливочная вода?

– Поливочная вода бывает раз в сезон, – признался агент.

– А пить что же?

– Возле магазина есть колонка.

Уф! Магазин подружки уже проехали. Там были дикие толпы. И большая часть народу с канистрами, бидонами и ведрами толпилась возле той самой колонки. Тогда подружки не поняли всеобщего ажиотажа, но теперь оценили размер предстоящего им кошмара. До магазина было километра полтора. Туда все время круто вниз, а вот обратно с полными канистрами... Причем настолько круто, что их «гольфик» с трудом взбирался, бурча и задыхаясь.

– Покажите хотя бы озера! – убитым голосом произнесла Кира, надеясь, что живописные окрестности примирят их с ужасным домом.

– Большое озеро находится за магазином.

– А пляж там есть?

– Есть! В прошлом году машину песка привезли. Отличный получился пляж!

Озеро оказалось больше похоже на заболоченный пруд. Мутный, илистый и подозрительно пахнущий тиной. Крохотный пляжик, образовавшийся с помощью «КамАЗа» с песком, никак не мог вместить в себя всех желающих.

– А второе озеро еще меньше?

– Да.

– А пляж там есть?

– Туда на «КамАЗе» не проехать. Дороги нету.

От этого дома они с негодованием отказались. Тем более что у них на примете было еще несколько. И неунывающие подруги отправились смотреть очередной шедевр.

– Ничего! – утешала себя и подругу Кира по дороге. – По крайней мере, вода там есть.

Наученные горьким опытом, они первым делом спросили, есть ли колодец на предлагаемом им участке. В этом доме колодец имелся. И даже вода в нем вроде бы была питьевая.

– Вода есть, уже не пропадем.

Леся молчала, томимая нехорошими предчувствиями. И они начали сбываться, едва подруги въехали в садоводческое товарищество. Оно было старым, лет двадцать, а то и все тридцать, как возникло. Дома тут были больше похожи на курятники.

– А что вы хотите, когда землю стали давать, автомобильных дорог тут не было. Все стройматериалы люди везли на себе. На электричках.

Внешне домик выглядел ничего. Зелененький, без винограда и плюща. Ну, да бог с ними! Но, войдя внутрь, подруги были изумлены странным выбором отделки.

– Это у вас что? – постучав пальцем по стене, поинтересовалась Кира.

– Пластмассовые подносы.

– Подносы?!

– Ага! – жизнерадостно кивнула бабулька – хозяйка домика. – Я-то в молодости в столовой работала. Так из списанных подносов и построили с мужем домик.

От изумления Кира даже начала заикаться:

– К-к-ак... из подносов?

– А так! Соорудили каркас, обили его подносами, внутрь керамзит насыпали. Очень даже тепло получилось!

Кира только и сумела из себя выдавить:

– Подносы и керамзит... Чушь какая-то!

И бросилась прочь. Она даже не захотела пробовать воду в колодце. Или купаться в местном целебном источнике. Не могут они жить в доме из подносов. Если кто узнает, их с Лесей засмеют! До конца жизни будут вспоминать им этот летний отдых.

– Вы еще не видели наш источник! – догнала их агентша.

– Видели!

– Но вы там не купались! А местные говорят, что у детей после купания в той воде проходит диатез!

Диатезом подруги даже в детстве не страдали. Такая уж им выпала счастливая доля. Не знали они, что такое диатез! И потому сейчас совершенно равнодушно отнеслись к словам агентши. К тому же якобы целебный водоем сильно смущал их своим видом. Вода там была непроточной. И больше всего он напоминал глинистую лужу. А сидящие по его берегам ярко накрашенные местные девицы и их пьяные кавалеры в драных джинсах и грязных майках навевали на мысли, что, излечившись от диатеза, местные детки рискуют подцепить себе куда более страшную заразу.

– Нет уж, нет уж! – бормотала Кира. – Не надо нам дом из подносов. И целебных источников тоже не надо. Слава богу, мы с тобой обе здоровы!

Леся была полностью согласна с подругой.

– Ага, – сказала она и робко добавила: – Кира, может быть, ну ее, эту дачу?

– Ну уж нет! Раз решили, будем искать!

– Что-то не клеится.

– Сразу редко клеится!

– Раз уж с самого начала не задалось, лучше бы нам с тобой эту затею бросить!

– Нет. Мы сколько с тобой домов посмотрели?

– Два.

– Вот! Рано еще сдаваться!

Леся уставилась за окно, что являлось у нее признаком легкого раздражения, когда она не хотела ссориться и потому старалась успокоиться, отвлекаясь на проносящиеся за окном виды. Кира отлично знала эту особенность своей подруги. И, покосившись на продолжающую любоваться окрестностями Лесю, Кира наконец сдалась:

– Ладно. Посмотрим еще один домик! И все! Точно тебе говорю!

Леся моментально оживилась:

– Один – это я выдержу! Один – это очень даже неплохо. Знаешь, Кира, у меня такое чувство, что на этот раз мы найдем подходящее жилье.

И Леся оказалась права. Едва подруги въехали в садоводство, их приятно порадовали гладкие песчаные дороги, на которых даже в осеннюю слякоть особых луж быть не могло. Песок миглом впитает в себя всю воду. И снова станет сухо. На окраине товарищества имелось озеро. Настоящее лесное озеро. С темной торфяной водой, но песочными пляжиками.

За ними начинался сосновый бор. И ровные гладкие стволы сосен приятно золотились в лучах заходящего солнца. Чуть дальше подруги наткнулись на небольшую речку. Вода в ней была чистая и прозрачная. Речка понравилась подругам даже больше, чем лесное озеро.

– А мне тут нравится! – произнесла Леся.

Кира молча кивнула. Она-то не торопилась радоваться раньше времени.

– Посмотрим сначала на дом, – сказала она. – Может быть, там нас ждет что-то страшное.

Но и домик не разочаровал подруг. Он был веселенького желтого цвета. И по его стенам карабкались мощные побеги старого плюща! Правда, вот окна были не белыми, а темно-коричневыми. Но такие пустяки уже давно не могли расхолодить подруг.

– Берем! – прошептала Леся на ухо подруге, совершенно забывшая, что еще недавно она хотела бросить затею с дачей.

– погоди! Посмотрим, что там внутри!

Внутри тоже все оказалось премиленько. Добротная деревянная лакированная мебель. Удобные скамейки вместо табуреток на кухне. Массивный стол. Такая же массивная самодельная мебель в комнатах первого этажа. Наверх вела крепкая лестница, по которой можно было шагать без всякой опаски. И верхние комнаты тоже оказались полностью отделанными.

Печь была обмазана штукатуркой и побелена. Никаких кафельных плиток, разумеется. Да и кому они нужны!

Сад был слегка запущен. Но все же не настолько, чтобы за день нельзя было скосить всю эту траву. И расчистить обвешанные поспевающими ягодами кусты красной смородины и крыжовника, крупные ягоды на которых уже сейчас выглядели соблазнительно.

– Скосим траву и сможем тут жить, – прошептала Леся.

– Дом сдается с мебелью, – говорила тем временем хозяйка. – В саду можете всем пользоваться. Ягоды, зелень. Одним словом, все, что растет. Нам с мужем в этом сезоне тут ничего не нужно. Появляться мы тут тоже не будем. Уезжаем на два месяца в Краснодар. Так что живите себе спокойно. Никто вас не потревожит!

– Отлично! – воскликнула Леся.

Она в глубине души до последнего момента опасалась, как бы дом не достался им вместе с хозяевами, которые станут регулярно наведываться и совать свой нос в их дела.

– Так что? Можно считать, что мы договорились?

Подруги еще раз обвели глазами симпатичный зеленый садик, веселенький желтенький домик, который так и манил их к себе, остановились взглядом на могучем пушистом кедре, который рос в углу участка у самого забора. И кивнули.

– Вот и отлично! – повеселела хозяйка. – Деньги при вас?

Деньги у подруг были. На всякий случай они их с собой взяли.

– Сейчас напишу вам расписку, и будем считать, что дело сделано.

Расписку подруги получили. Деньги хозяйке, которую звали Анастасией Петровной, отдали. Она же показала им документы, которые подтверждали право собственности на дом. Там, правда, стояло имя Лаврентия Захаровича. Но Анастасия сказала, что это ее дед. И он сам тут жить не станет, потому как скончался месяц назад.

– Я – сирота. Вырастил меня дед. Других наследников у него просто нет. Так что все будет в порядке.

Подруги кивнули. И продолжали слушать.

– Дед меня вырастил. И моя городская квартира, и этот дом достались мне в наследство от дедушки, – весело порхала по дому женщина, собирая личные вещи.

Подруги не усмотрели в этом ничего предосудительного. Их хозяйке на вид было лет сорок. Значит, ее деду вполне могло перевалить за восемьдесят. Почтенный возраст. И не было ничего странного в том, что дедушка переселился в другой мир, позаботившись оставить свое земное имущество внучке.

– Других наследников у деда не было, – повторила Анастасия. – Так что все законно. Не переживайте. Дед скончался не в этом доме. Никакие призраки вас беспокоить не будут.

Но все же подруги решили проявить осторожность.

– Можно вас попросить?

– О чем?

– Оставьте нам свой телефон.

– Зачем? – откровенно изумилась Анастасия.

– Ну, мало ли что может случиться. Для экстренной связи.

– Оставлю, – вздохнула женщина. – Оставлю, раз уж вы такие подозрительные.

Телефон она в самом деле оставила. Расписку тоже. Показала, где газ, где свет, где туалет, а где вода. Да, вроде бы все было в полном порядке. Но почему-то на душе у подруг стало слегка тревожно. Что-то приближалось. Что-то неясное и не совсем приятное. Но что именно, подруги не понимали. И потому решили не обращать внимания на свои смутные предчувствия. Оказалось, что напрасно они это сделали. Доверься они своим чувствам, не стали бы связываться с Анастасией Петровной и ее домом. И очень бы правильно сделали.

Глава вторая

Уже на следующий день, который очень удачно пришелся на субботу, подружки перебрались в свое временное жилище. Вместе с надувным матрасом, насосом к нему, личным постельным бельем и посудой. Также с подругами на дачу выехал кот Фантик и его подруга Фатима. В виде редкого исключения Фатима не была беременна. И потому находилась в радужном расположении духа. И весело мурлыкала всю дорогу. Фантик, напротив, был угрюм и недоволен. Он-то был типичным городским котом. И раскаленный асфальт, и бензинные выхлопы проезжающих машин были ему милей, чем зеленая травка и свежий воздух. Жизни на природе он не понимал. Так что кот всю дорогу нервно шевелил носом. И кончик его хвоста непрерывно дергался из стороны в сторону.

– Фантик что-то нервничает! – заметила Леся. – Он что-то чувствует?

– Ничего он не чувствует!

– Нет, он всегда так себя ведет, когда должно случиться что-то нехорошее.

– Не забивай себе голову ерундой!

Фантик покосился на свою хозяйку. Его голубые глаза гневно сверкнули. А потом он отвернулся, не желая демонстрировать свои чувства. Леся готова была поклясться всем на свете, что кот при этом выразительно пожал плечами.

«Спросили бы вы мое мнение, я бы вам сказал! Эта дачная экспедиция ни к чему хорошему вас не приведет», – сказал бы он, если бы мог говорить.

Некоторое время Фантик молчал. Но потом не выдержал, обернулся и несколько раз требовательно мяукнул:

«Вернемся назад! Вернемся, пока еще не поздно!»

– Фантик, не нагнетай обстановку! Не до тебя сейчас! – отозвалась Кира, которая сидела за рулем и следила за дорогой.

Фантик снова мяукнул. Но на этот раз коротко и негодуя.

«Ладно, попомните вы мое слово, да поздно будет!» – так расшифровала его слова Леся.

– Слушай, Кира, – обратилась она к подруге. – У меня какие-то нехорошие предчувствия.

И надувшаяся Кира воскликнула:

– Стараешься ради вас, рыщешь по округе в поисках подходящего дома, чтобы вы могли летом нормально отдыхать. А что в ответ? Сплошная черная неблагодарность, жалобы и упреки!

Лесе стало стыдно. И даже Фантик притих.

«Может быть, и обойдется!» – примирительно мяукнул он.

Минут десять Кира дулась. Но так как долго быть в плохом настроении она не умела, то вскоре снова повеселела.

– Проверь список гостей, – велела она Лесе. – И посмотри, хватит ли на всех еды и выпивки.

Леся схватила за список. Он был невелик. Всего пять человек. Считая с подругами, уже семь. Три их холостые подружки. И супружеская пара. Одной из их подруг – Нинусику – удалось все же выйти замуж. Как ей это удалось, никто толком не понимал.

Нинусик была существом для семейной жизни совсем неподходящим – маленьким, эфирным и очень нежным. Всем своим видом она напоминала хрупкого трепетного мотылька. Тонкие светлые волосики Нинусика обрамляли ее головку подобно нимбу. Ростом она была метр пятьдесят, имела тридцать третий размер ножки. И такие крохотные тонкие пальчики, что было удивительно, как Нинусик справляется с обычной шариковой ручкой. Талия у Нинусика была такой, что ее можно было обхватить ладошками.

Одевалась Нинусик соответственно – в расклешенные летящие юбочки до колен. Кофточки с круглыми воротничками. И в свои тридцать выглядела на двадцать и вела себя соответственно. Однако мужчины у Нинусика были всегда старше ее. Обеспеченные, обязательно с приличной иномаркой, отдельной квартирой и тугим кошельком.

И замуж Нинусик вышла за мужчину крупного и солидного. Он был несколько старше своей супруги. Но ненамного, хотя Нинусик из кожи вон лезла, чтобы изобразить, будто бы разница в возрасте между ними куда больше, чем это было на самом деле. Зачем ей это было нужно, подруги так до конца и не поняли.

Да, честно говоря, и мужа этого девушки видели только один раз. Когда явились к Нинусику, чтобы поглазеть на ее новое приобретение. Муж вышел, поздоровался с подругами и исчез в своей комнате, так и не появившись оттуда до окончания визита подруг.

Сама Нинусик после своего замужества вовсе не стремилась поддерживать отношения со своими приятельницами. На звонки не отвечала. Когда подругам все же удавалось ее застать дома, то разговаривала сухо и всячески подчеркивала, что она теперь замужняя женщина и интересы у нее совсем другие. Так что общаться ей с подругами вроде бы и ни к чему.

Поэтому они были весьма изумлены, когда Нинусик после почти годичного перерыва позвонила им вчера вечером. И буквально напросилась в гости. Это было очень странно. Но еще более странной показалась подругам причина, которую выдвинула Нинусик в качестве оправдания их с мужем визита.

– Муж хочет поближе познакомиться с вами, – пиццала она своим тонким девичьим голоском.

– Мы ведь уже знакомились, – недоуменно ответила Кира. – Помнишь, мы с Лесей приехали, а он даже не вышел из своей комнаты.

– В тот раз Федюнчик был очень занят. Срочная работа. А теперь он освободился и хочет вас видеть!

Ну, раз хочет, так пусть приедет. Подруги зла долго не помнили. И даже его не записывали. А места в их новом доме было много. Целых шесть комнат. Можно и гостей принять. По крайней мере, один раз. И хотя девушки не собирались справлять новоселье, но как-то так стихийно получилось, что им пришлось к нему готовиться.

– Раз уж пригласили Нинусика, будет несправедливо не пригласить остальных.

И подруги позвали Таньку – свою бывшую одноклассницу. Она была существом полным, блеклым и глубоко влюбленным в их же одноклассника Вальку. Тот вроде бы отвечал ей взаимностью, но по какому-то жалкому минимуму. Встречался, когда хотелось ему, крайне редко. Но совсем Таньку тоже не бросал. Что было, по мнению подруг, просто подло. Уж сказал бы, что не нужна ему Танька. Все-таки девушке уже под тридцать. Пора личную жизнь устраивать.

– А с этим типом она проканителится всю жизнь. И останется в результате одна.

Еще подруги пригласили Верочку – свою коллегу по бизнесу, также владеющую туристическим агентством, расположенным в том же здании, что и фирма подруг. Иногда девушки сплавляли неподходящих им клиентов Верочке. Ну, допустим, нет у них тура на ближайшие две недели в Италию. Есть такой же, но только через три недели. А клиент хочет через две и ждать не намерен. Вот подруги и посылали его к Верочке.

И она, в свою очередь, не жадничала и не вредничала. Есть у самой нужный товар, продаст. Нету, пошлет к подругам. Здоровое сотрудничество вместо злобной конкуренции.

Верочка была дамой сильно за тридцать. Сколько ей было лет на самом деле, не знал никто. И подруги сильно подозревали, что даже ее паспорт безбожно врет на этот счет. Потому что все свободные средства Верочка вкладывала в свою внешность. Косметические процедуры сменялись подтяжками. Те, в свою очередь, разбавлялись уколами красоты. А в добавление к последним Верочка тратила бешеные деньги на массажистов и гомеопатов, которые должны были обеспечить ей вечную молодость и крепкое здоровье.

Но, в принципе, Верочка была славной теткой. И занималась она своим делом. Верочка была способна уболтать любого клиента, всучить путевку, которую он вначале вовсе не намеревался покупать. Так что бизнес ее процветал, все вокруг считали ее душой компании. И подружки полагали, что в ее обществе муж Нинусика – Федюнчик – сможет разговориться и даст подругам возможность получше узнать себя.

И последней гостьей была Алла. Это постоянная клиентка подруг. И постепенно из клиентки превратилась в близкую приятельницу. Каждые полгода она летала в Турцию, упорно ловя себе там мужа. И напрасно подружки втолковывали ей, что в Турции ее уже каждая собака знает, пора менять место охоты, Алла с упорством, достойным лучшего применения, желала в мужья только турка, и все тут!

Но вредные турки Аллу себе в жены упорно не брали. Почему? Одному богу известно. На других девушках, даже куда менее симпатичных, женились, а вот на ней ни за что. У Аллы было уже несколько неудачных романов. Но каждый раз претендент оказывался либо женат, либо кретин, либо жадина и дурак. Впрочем, все эти его недостатки выяснялись не сразу, а по мере того, как продвигалось постижение Аллой турецкого языка. То есть она все лучше и лучше узнавала язык, а заодно своего жениха.

Что касается турецкого языка, то Алла его теперь знала почти что в совершенстве. И поэтому подружки надеялись, что вскоре она окончательно разочаруется в турецких мужчинах и переключится на каких-нибудь других.

– Желательно на японцев, – выразила один раз свое пожелание Леся. – Почему на них? У японцев язык трудный. Пока Алла его выучит и поймет, что и японский муж ничего хорошего собой не представляет, она может прожить с ним долгие счастливые годы, даже не ведая, что живет под одной крышей с полным кретином и тупицей.

На Алле состав гостей и завершался. Но и их было больше чем достаточно. Подружки не замыслили никакого грандиозного мероприятия.

– Просто пикник на свежем воздухе! – честно предупредили они всех. – Шашлык. Немного вина. И все!

И вот теперь подружки ехали на свою дачу, где должны были принимать гостей. Первыми явились Федюнчик и Нинусик.

– Привет, привет! Чмок-чмок!

И пока Нинусик целовалась с подругами, Федюнчик что-то буркнул себе под нос неразборчивое. И, не обращая больше внимания на девушек, устремился в дом.

– Куда это он? – удивились подружки.

– Отдыхать, – произнесла Нинусик и быстро попросила: – Девочки, покажите мне сад. А что это за дерево? А как вы будете готовить смородину? Желе или варенье? А этот кедр – он плодоносит? А тут что? Грядки? Как интересно!

Оказалось, что Нинусик отлично разбирается в растениях и деревьях. И знает массу способов, чтобы готовить ту или иную ягоду. Подружки невольно заслушались ее. И отвлечлись только в тот момент, когда к дому подошли Верочка и Алла. Таньку все ждали довольно долго. Но она так и не приехала. Кира попыталась позвонить ей, но телефон оказался выключенным. Так было всякий раз, когда Таньку в очередной раз посещал ее непостоянный друг сердца.

Едва на пороге ее квартиры появлялся Валя, Танька забывала обо всем и обо всех. Отключала телефон. И два часа, пять или даже сутки жила и дышала только своим любимым. Тот от такой Танькиной преданности, естественно, начинал задыхаться. И больше суток не выдерживал. Рвался на вольный воздух, к друзьям и другим своим подругам. А Танька оставалась одна, лила горькие слезы и терпеливо ждала следующего свидания.

– Ну, все ясно! – произнесла Кира, когда оказалось, что Танька телефон отключила окончательно и бесповоротно. – Снова он у нее. Жарим шашлыки без нее.

Шашлыки удались на славу. Подруги собирались отнести мангал к озеру. Но Федор этому воспротивился:

– Еще не хватало! Тут прекрасный кедр. Под ним и посидим.

Впрочем, посидели одни лишь девушки. А Федор, прибрав свою порцию шашлыка, скрылся в доме. И больше они его так и не увидели. Где-то часам к десяти девушки про него вспомнили. И послали Нинусика за мужем. Но она вернулась очень быстро. И объявила, что Федор устал, хочет спать и просит, чтобы его не тревожили.

– С чего это он устал?

– Целый день ничего не делал.

– Только в доме дрых, пока мы с шашлыком возились.

– Покушал и снова в дом.

– А теперь устал, видите ли!

– Стоило выбираться на свежий воздух, если все время сидеть в доме.

Нинусик бросилась на защиту любимого мужа:

– Вы не знаете, как Федор устает. У него такая важная и ответственная должность!

Впрочем, пояснить, чем же таким важным занимается ее муж, она так и не смогла.

– Да оставьте же вы его! – наконец не выдержала Алла. – Пусть мужик в доме валяется. Нам что, без него плохо?

Всем было очень даже хорошо. Третья бутылка полусухого вина подходила к концу. А они все сидели, обмениваясь новостями и делясь сплетнями.

Однако на следующий день Алла и Верочка заторопились в город. Обоих призывали их амурные дела, которые неожиданно пошли на лад. Вчера вечером обоим названивали их потенциальные будущие половинки, интересуясь, куда пропали девушки, и призывая их вернуться назад домой. Оказалось, что Алла на прошлой неделе познакомилась с очаровательным турком, который выгодно отличался от ее прошлых турков хотя бы уже тем, что жил и работал в России.

А у Верочки тоже намечалось интересное знакомство.

– Пока что мы с ним сходили только в аквапарк. Но в воскресенье он планирует поход в зоопарк.

– Не очень романтично! – рискнула заметить Кира.

Но Верочка даже слушать ничего не захотела.

– Он такой душка! Типичный маменькин сынок. Привык за ее юбку цепляться. Идеальная кандидатура.

– Чем же?

– Отпустит ее юбку, станет меня слушаться.

– И чем это хорошо?

– А тем! Тем, что всегда по-моему будет! Как скажу, так и сделает. Никаких споров. Ненавижу споры. Все равно сделано будет, как я решила. Но сколько сил иной раз уходит, чтобы этого добиться. Вы бы только знали!

Итак, на даче остались только Федор и Нинусик. Эти двое как раз никуда не торопились. И Федор даже намекнул, что они с Нинусиком с удовольствием остались бы на дачке даже на целую неделю. Подруги от такого предложения в восторг не пришли. Во-первых, Федор им совершенно не нравился. Он напускал на себя слишком уж много таинственности. И подругам сдавалось, что за пеленой тумана, которым он окружил себя, скрывается полный ноль.

И зачем им этот странный мужик? Тем более что он уже чей-то муж. Только потенциальных кавалеров отпугивать будет. Одно дело, когда в доме живут две, ну хорошо, три одинокие девушки. И совсем другое, если при них имеется хотя бы один мужчина. Тут уж выстоят только

самые упрямые кавалеры. А такие, подруги вынуждены были это с грустью констатировать, нынче практически перевелись.

Теперь уже не мужчина охотится на свою добычу, а женщины все чаще выходят на охотничью тропу. Устраивают ловушки и расставляют силки на мужчин. К счастью, мужчины почти все поголовно тугодумы. И до конца пока что не доперли, что на них повсеместно, ежедневно и ежечасно идет охота. Нигде эти бедолаги не могут быть в безопасности: ни в транспорте, ни на работе, ни даже на отдыхе.

И очень может случиться, что скоро жены станут выпускать своих мужчин только под присмотром, дабы тех не увели активные соискательницы. Ну, вроде того, как когда-то в странах Арабского Востока поступали султаны со своими гаремами. Не уследишь – обязательно одну из наложниц уведут прямо из-под носа. А ведь за нее деньги плачены! Жалко, если девушка достанется какому-нибудь наглецу просто так, на халяву.

– Так мы проживем тут недельку с Нинусиком? – настойчиво поинтересовался у подруг Федор.

Этот вопрос он задавал как минимум в третий раз. И если первые два раза подруги мямлили в ответ что-то невразумительное и пытались улизнуть от разговора, то теперь они поняли: намеки до Федора не доходят. Придется сказать ему прямо.

– Видишь ли, Федя, – задумчиво произнесла Кира. – Мы бы с радостью. Но ведь этот дом мы не купили, а всего лишь сняли.

– И условия нашего договора аренды не позволяют пускать в этот дом гостей.

– Что за чушь? Кто составлял этот договор? Сама хозяйка? Настька?

– Нет. Договор стандартный. Из агентства.

– И плевать! Никто не узнает, что мы с Нинусиком тут жили! Хозяев тут нету.

– А вдруг узнают? Нам придется заплатить серьезный штраф!

– Не узнают, я вам говорю!

– Ты не можешь ручаться!

Федор попытался еще настаивать на своем. А когда понял, что подруги настроены твердо, не нашел ничего умней, чем надуться.

– Понятно, – пробурчал он. – Что же, скажу Нинусику, чтобы шла собираться.

– Никто вас не гонит. Отдыхайте, пока мы тут.

– Нет, пойду и скажу!

– Ну, иди! – рассердилась на него Леся.

– Вот, значит, какие у Нинусика подруги! – с обидой воскликнул Федор, не делая ни малейшей попытки двинуться в сторону дома и поторопить жену с укладкой чемоданов. – Как за помощью к ней обращаться, так это они первые. А как мы к вам раз в жизни в гости приехали, так вы нас гоните!

– За какой это помощью? В жизни у Нины ничего не просили!

– А внимание! А сочувствие! Она мне рассказывала, как вы ей в жилетку ревели, когда вас очередной мужик бросил. Бесплатным психотерапевтом она для вас была. Вот как!

В принципе, Федор сказал верно. Но ведь и Нинусик поступала аналогично. Не одних же подруг расстраивали их мужчины. Нинусик тоже рыдала. И еще почище обеих подруг, вместе взятых. Но Федору, судя по всему, Нинусик об этом не рассказала. И правильно сделала. Нечего мужу знать о ее былых промахах. Подруги Нину не осуждали.

Федор же тем временем разошелся окончательно и выкрикнул:

– А как самим беременной подруге помочь, свежим воздухом дать ей подышать, так они сразу в кусты!

– Нинусик беременна? – ахнули Кира с Лесей.

– А то нет!

– Она нам ничего не говорила о своем положении!

- Стесняется!
- И какой срок?
- Три месяца уже!

Подруги переглянулись. Странно. Вчера вечером Нинусик охотно пила вино. И выпила его довольно много. Не один бокал, не два, а больше, куда больше. Все вместе они выпили пять бутылок вина. И сегодня подруг мучило зверское похмелье. А Нинусик пила наравне со всеми. И сегодня вообще еще не вставала.

- Вот, беременную подругу не хотите приютить!
- Федя! Мы же не знали!
- Конечно, пусть остается. И дышит свежим воздухом, сколько влезет.
- И я с ней останусь.
- Как это? А ты зачем?
- Ну, вы даете! У меня жена беременна. Наследника носит! Неужели я ее одну оставляю?
- Мы совсем другое имели в виду, – смутились девушки. – Разве тебе не надо на работу?
- Ради такого случая работа подождет.

Недоумение подруг возросло многократно. Это что же, работа Феи будет еще полгода ждать, пока родится ребенок? И что это, интересно знать, за работа, которая может так долго ждать? А потом родится ребенок. И Нинусику потребуется еще больше помощи мужа. Значит, снова ему будет не до работы? А жить на что?

Но обсудить это с Федором подруги не успели, потому что в этот момент в калитку вошла незнакомая старушка. Двигалась она решительно и даже целеустремленно. Подруги мигом заткнулись и вопросительно уставились на нее. А старушка вошла во двор, как к себе домой. Уверенно открыла калитку, поправила согнувшийся цветок, закрыла за собой калитку и двинулась к дому.

Старушка выглядела своеобразно. Загоревшая почти до черноты. С короткой стрижкой на седых волосах. Одета она была и того удивительней – в продранные на коленях голубые джинсы и кожаную жилетку. На голове красовалась черная бандана. А на руках были надеты мотоциклетные кожаные перчатки, тоже черные и без пальцев.

За спиной у старушки горбатился вместительный рюкзак, при виде которого у подруг зародились нехорошие предчувствия. А на ногах у гостьи красовались потрепанные кожаные кроссовки «Адидас». Первоначальный их цвет давно исчез. И сейчас кроссовки были грязно-серыми.

– Приветик! – бодро произнесла старушка, глядя в упор на застывших на месте подруг. – А Настена где? Позовите-ка мне ее.

- И, видя, что подруги не тронулись с места, старушка добавила, приветливо улыбаясь:
- Скажите Насте, что бабушка Клава приехала. Жить в доме у брата будет.

Некоторое время подруги молчали, осмысливая размер свалившегося на них бедствия. Первой пришла в себя Кира. Не окончательно, но все же достаточно для того, чтобы вступить со старушкой в диалог:

- А вы откуда?
- Из Тулы я приехала! Так позовете вы Настьку или мне самой идти ее искать?

Подруги переглянулись. Ну и ситуация. Похоже, эта бойкая старушка в самом деле собирается тут жить. Нужна она им как прошлогодний снег! Однако у них еще была надежда, что не все так плохо. Сейчас они позвонят Анастасии Петровне, сообщат ей про старушку. А дальше уже не их забота. Пусть приезжает и забирает свою бабушку. А если нет, то пусть вернет им их деньги.

- Но телефон Анастасии Петровны молчал. То ли она не слышала, то ли не могла подойти.
- Позвоним чуть позже, – решила Кира.

И подружки отправились к бабушке Клаве, которая уже пристроила рюкзак на крылечке и хозяйским глазом цепко оглядывала грядки с луком, редиской и укропом.

– Запустила Настька хозяйство! – недовольно бурчала старушка. – Да оно и понятно. Какая из нее работница? Городская фря, вот что она такое! А в земле ковыряться, это уж извините, это выше ее достоинства. Тьфу! Салат не полит, огурцы не подвязаны, свекла не полота, а капусты вообще нету! А ведь Лаврентий сажал. Я точно знаю. Сама ему семена посылала.

– Бабушка, – окликнула ее Леся. – Вы понимаете, что Настя тут больше не живет.

– Как не живет?

– Она сдала дом нам.

Некоторое время старушка осмысливала услышанное.

– А сама где же? Настька-то?

– Уехала.

– Куда?

– Мы не знаем. Куда-то в Краснодарский край. С мужем.

Старушка крикнула:

– Уж сколько времени у этой шалавы приличного мужика не водилось! Ванька-то ее вроде как бросил. Небось хахаль какой-нибудь новый появился. Он и надоумил дедов дом невесть кому сдать!

Но спохватившись, что выразилась слишком грубо, старушка извинилась:

– Вы уж меня простите! Сорвалось с языка. Ясное дело, что вы тут совсем не виноваты!

И, помолчав, она произнесла:

– Однако что же делать-то нам теперь? Дом этот Настька взять себе не могла. Ни продать, ни сдавать не имела права. Мой он!

– Как ваш? – неприятно изумились подружки.

– А так! Брат мне на него завещание написал.

– И где оно?

– А вот туточки!

И ловким движением руки старушка извлекла из-за пазухи кусок бумаги.

– Это ксерокс, – сказала многоопытная Кира.

– Ясное дело. Не такая я дура, чтобы подлинник при себе таскать. Он у меня в надежном месте хранится. Да вы читайте, читайте. Что оригинал, что копия, смысл все равно один. Дом этот мой. И Настька на него никаких прав не имеет!

Подружки взялись за изучение завещания. В самом деле, некий Лаврентий Захарович Косыгин завещал свое движимое и недвижимое состояние, выражающееся в дачном домике 1982 года постройки, дачном участке размером 8,72, расположенном по улице вторая Дачная под номером 13.

– Номер у дома какой несчастливый, – машинально отметила Леся.

– Я не суеверна! – быстро отреагировала старушка. – Ну, как? Все верно?

– Вроде бы да.

– Тогда освободите занимаемую территорию.

Эге! Старушке-то палец в рот не клади. Мигом откусит!

– Вы не торопитесь! – сказала Кира. – Ваше завещание само по себе не очень много значит.

– Как это не значит?

– По этому завещанию вы должны были оформить переход права собственности от вашего покойного брата к вам. А вы этого, судя по всему, не сделали.

– Не сделала. Юрист в нашей консультации, прострел ей в пятку, сказала, что в наследство только по истечении полугода вступить можно!

– Сначала надо открыть дело о наследовании! После четырех месяцев можно уже начать ходить к нотариусу и клянчить, чтобы он сказал, какие бумаги ему нужны. Пока все соберете, как раз время и подойдет.

– Не знала я этого! – в сердцах воскликнула старушка. – Говорю вам, юрист у нас дура душой. И я дура, что ей доверилась. Надо было к знающему человеку идти, а не к этой двоечнице! И все равно – наследница я!

– Это вы уж с вашей внучкой решать будете!

– С кем?

– С Настей. Она ведь вам внучка?

– Шалава она, а не внучка! – беззлобно ругнулась бабка. – До денег и подарков ужас какая жадная. А других чувств в ней сизмальства не водилось. Вся в отца, беспутная!

– В любом случае она вовремя подсутилась, и ее признали наследницей.

– Не стал бы Лаврентий ей ничего оставлять. Знал он, что она за фруктина такая!

– Это ваши дела! – воскликнула Леся. – А мы тут ни при чем!

– Дом мой. Не уйду!

– Мы тоже не уйдем!

Неожиданно старушка присмирела. Она кинула на подруг проницательный взгляд.

– Не уйдете? – повторила она. – Ну да, ясное дело. Коли деньги Настьке заплатили, так уж не уйдете.

И старушка задумалась.

– Ну да, ладно. Живите.

– Спасибо за разрешение! – язвительно произнесла Кира.

– А ты не язви! – неожиданно рассердилась бабка. – Не язви! А то замуж никто не возьмет. Мужики язв не любят. Мужики, они как мухи, не на укус, а на сладкое летят.

Кира поджала губы и собралась сказать старушенции, что ее понятия устарели как минимум на полвека. Но не стала. Чего старого человека лишний раз расстраивать? Бабка из самой Тулы прикатила. А тут такая неожиданность. И дом вроде как не ее. И живут в нем чужие люди. И нахалки внучки, обобравшей законную наследницу – свою двоюродную бабушку, не сыскать.

– Хорошо еще, что ваша Настя дом не продала, а просто сдала, – сказала Кира.

– Да, это хорошо, – словно про себя произнесла бабушка Клава. – А то даже страшно, вдруг бы люди его нашли. Ужас, сколько бы еще полегло!

– Кого его? Кого полегло? Зачем? Почему?

– Ну, это, – смутилась старушка. – Не слушайте вы меня! Стара стала. Бормочу всякую чушь. Простите уж вы бабку.

И, подхватив рюкзак, старушка стала подниматься по ступенькам на крыльцо. Подруги последовали за ней, предвидя, как сейчас завоняет Федор при виде чужой бабки. И хотя мужик не имел никаких прав на этот дом, но такая уж у него была вредная натура. Не мог он упустить из своих рук то, что уже считал в какой-то степени своим.

Глава третья

Однако реакция Федора удивила даже ожидавших бури подруг. Конечно, они ожидали, что он будет недоволен. Но не в такой же степени. В конце концов, ему-то какое дело? Не его же дом! Но Федор взбесился так, словно задеты были его кровные интересы.

– Как?! – завопил он. – Какая еще бабушка Клава? Не знаю я никакой бабушки Клавы! Скажите ей, пусть убирается откуда приехала.

– Федя, успокойся!

– Пусть убирается! – бесился мужик. – Не скажете вы, так я сам ей скажу!

И Федор двинулся к бабушке Клаве, засучивая по пути рукава. Подруги замерли. Неужели этот здоровенный обалдуй станет драться со старой бабкой? Вот скотина! А Федор, судя по всему, собирался по-свойски расправиться с прибывшей старушкой.

– Проваливай! – ревел он, надвигаясь на бабульку. – Никто тебя сюда не звал!

При этом он так страшно вращал налившимися кровью глазами, что подруги сами испугались. И хотя Федор вроде бы выступал на их стороне, им было противно и мерзко. Да и страшно.

– Федя! – повисла на руке у мужа Нинусик. – Не надо!

– Пошла прочь!

И Федор отшвырнул Нинусика, словно муху. Та отлетела в сторону и ударилась головой о печку. Но это не остановило любящего мужа. Он на жену и не посмотрел. К упавшей Нинусику кинулись Кира и Леся. Но, к счастью, Нинусик была в сознании. Она потирала шишку на затылке, но больше ни на что не жаловалась.

– Нинусик, ты в порядке? – приставали к ней подруги.

– В полном.

Но внезапно из того угла, куда Федор загнал бабу Клаву, раздался сдавленный стон и какой-то хруст. Подруги обмерли. Все! Свернул старухе шею!

Содрогнувшись от ужасных предчувствий, подруги мигом оставили Нинусика, которой было не так уж плохо, и кинулись на помощь бабе Клаве. Но, не пробежав и двух шагов, изумленно застыли. Старушка стояла как ни в чем не бывало. Целая и невредимая. А вот Федор лежал у ее ног бесформенной кучей. И жалобно стонал, прижимая к груди правую руку.

– А не надо было ко мне лезть, придурок! – сердито выговаривала ему баба Клава, пиная сухонькой и уже переобутой в жесткую кожаную тапочку ножкой. – Я в своей Туле и не таких дубин в узде держала. А что ты хочешь? У меня муж запойный алкоголик был. Моряк. В дальние рейсы ходил. Как из моря придет, просто туши свет. Тридцать лет с ним как на фронте. Утром просыпаешься и не знаешь, что к вечеру будет. То ли битой будешь, то ли вовсе убитой. Пришлось в секцию карате записаться. Неплохо у меня получаться стало.

– Это вы его чем же таким треснули? – вырвалось у Леси.

– А ничем. Чего же, я совсем без понятий? Он на меня с голыми руками, и я к нему с тем же.

– Это вы его голыми руками уложили?

– Точно!

Подруги продолжали изумленно таращиться на поверженного Федора. А он лежал, корчась и грязно ругаясь. Лицо было перекошено от боли и ярости. И он с ненавистью смотрел на бабу Клаву снизу вверх, не прекращая материться.

– Прекрати выражаться, ирод! – прикрикнула она на него. – Уши пухнут.

Федор не послушался и продолжал.

– Руку я тебе уже вывихнула. А если сейчас же не замолчишь, язык вырву, – спокойно пообещала баба Клава.

И Федор тут же затих. Он уже понял, что с бабой Клавой шутки плохи. Поняли это и подружки. Мало им Федора, теперь еще эта каратистка престарелая пожаловала.

– Вот влипли! – произнесла с тоской Леся, когда подружки вышли в сад, чтобы немного проветриться и прийти в себя. – Так я и знала, что какая-нибудь фигня с этим домом обязательно получится.

– Недаром Фантик всю дорогу дулся.

– А кстати! Где он?

– Кто?

– Да Фантик же!

Подружки испуганно переглянулись. Кошек они не видели со вчерашнего вечера.

– Фантик! – воскликнула Кира. – Ой! Ой! Фантик! Фантик!!!

И подружки забежали по саду, судорожно выкрикивая: «Кис-кис-кис» – и призывая Фантика вернуться. Без толку! Кот словно в воду канул. В воду канул!!! Не приведи бог!

Кира сбегала в дом и вернулась обратно озабоченной еще больше.

– Фатимы тоже нет!

– Где же они?

И подружки заново обыскали весь сад. Никого! Верней, они обнаружили гнездо какой-то хорошенькой птички, названия которой не знали. И нашли соседскую черепашку, которую вернули двум зареванным детишкам.

– А мы ее уже похоронили, – с благодарностью пожимая руки подругам, произнес их бородатый папа.

Папа был очень даже ничего собой. Высокий, с густой рыжей бородой и с такими же густыми рыжими волосами. А вот детишки у него были темненькие. Наверное, в маму пошли.

– Мама у нас в городе, – печально произнес старший мальчик. – Она работает.

– Вредный директор не дал ей отпуск, – добавила девочка.

– Так что мы тут с папой живем. У него-то есть отпуск.

Вот это отец! Еще и с детьми сидит! Потрясающий мужик. И из-за черепахи убивается. В общем, соседство подругам понравилось. Славная семья. Приятно иной раз увидеть, что бывают еще хорошие люди, у которых к тому же в жизни тоже все хорошо.

– Если увидим вашего котика или кошечку, обязательно вернем.

Пора было уходить. Но как-то не очень хотелось. Начать с того, что Федор и не подумал уехать. Подружки надеялись, что после полученного от бабы Клавы нагоняя они с Нинусиком быстро соберут вещички и отбудут. Не тут-то было! Федор улегся в лучшей комнате и громко стонал на весь дом.

Нинусик металась возле него с бледным лицом и вытаращенными глазами.

– Лед! – налетела она на подруг. – Где взять лед? У Феди рука уже распухла и посинела. Ужас!

– Нинка! Где лед? Живо! Инвалидом меня сделаешь!

Лед подружки нашли в морозильной камере. Отдали всю коробочку. Сами себя обделили, а Федору все было мало. Он лежал, жаловался, требовал есть, пить, новую порцию льда, потому что старая слишком быстро растаяла, ругался и снова требовал есть.

– Коли есть хочет, значит, ничего страшного.

– Но рука распухла!

Рука у Федора в самом деле увеличилась в размерах. И слегка посинела. Но ничего такого ужасного, как пытался изобразить Федор, с ней не случилось. Шевелить он ею мог. И даже ложку до рта был в состоянии донести. И подружки вместо жалости ощутили злорадство. Так ему и надо! Нечего было лезть с кулаками на старушку. Небось думал, что нашел себе легкую жертву. Вот и нарвался. Сам виноват!

– Ой, умираю! – стонал Федор, с аппетитом доев вчерашний салатик с холодным мясом. – Как больно!

– Если так больно, надо бы к врачу.

Но напрасно подруги надеялись, что под предлогом визита к врачу, они избавятся от противного гостя. Ничуть не бывало. Едва только Федор услышал про врача, как все недомогание мигом у него прошло. Сильнейшая боль за несколько минут стала утихать, утихать, а потом утихла вовсе. Рука действовала. А небольшой синяк и припухлость можно было ликвидировать домашними средствами.

– Не поеду. Ну их, этих врачей! Небось там очереди огромные. Куда мне по жаре. И на машине руль не удержу.

И, видно сообразив, что Нинусик водить машину не умеет, Федор снова заблажил:

– Вот и за руль мне не сесть. Как и уедем-то, не знаю! Придется тут помирать!

Нинусик сидела возле кровати «умирающего» и вытирала горькие слезы. Посмотрев на эту картину, подруги ощутили приступ дикой, неконтролируемой злости на Ниночку. Всегда была разумной девушкой. Какого черта она подыгрывает этому идиоту, который – это и слепому видно – просто притворяется?

И вдруг в окно раздался стук. Там маячило приветливое лицо их рыжего соседа.

– Это не ваш котик? – Спросил он, поднимая в воздух огромного жирного сиамского кота.

Видимо, кот был кастрированный. Ни один настоящий, полноценный сиамец не позволит себе висеть безвольной тряпкой в чужих руках.

– Увы. Нет! У нашего шерстка вьется. На ушах и шейке.

– Надо же, – огорчился рыжий папа и, внезапно увидев бабу Клаву, вышедшую на крыльцо, воскликнул: – Здравствуйте, Клавдия Захаровна. Какими судьбами?

– Приветик, Красненький! Привет, Димушка. Чего приехала? Да вот, приехала. Ты же знаешь, дед Лаврентий-то помер.

– Знаю.

– За наследством его приехала.

– Да уж, – опустил голову рыжий Дима. – Жуткая смерть.

Бабка Клава кинула на подруг быстрый взгляд и торопливо сделала знак Диме, призывая того помолчать. Но Дима или не понял, или не заметил. Только продолжал разглагольствовать:

– И чего его пьяного за водой к колодцу потянуло? Ведь с утра у него в доме полные ведра стояли. Я сам ему помогал набрать. Мы-то потом с семьей в город поехали. А он остался. Но была у него вода. Была! Я это точно знаю.

Бабку Клаву слегка перекосило. И она уже откровенно зашипела на рыжего Диму:

– Молчи ты! Нечего людей пугать. Они дом сняли на все лето. А ты их покойником из колодца пугаешь.

Подруг при этих словах словно током пробило.

– Из к-к-какого еще к-колодца? – заикаясь, спросила Кира.

Дима кинул на девушек испуганный взгляд. И заторопился:

– Пойду я! У меня там дети без присмотра. Как бы сами в колодец не попадали!

И он очень вовремя смылся. Девушки были настолько в шоке, что не успели его остановить. Он ушел, а подруги остались с кучей невыясненных вопросов. Собразив, что сейчас начнется, баба Клава тоже попыталась улизнуть. Ну уж нет! Уж последнего очевидца страшного события, произошедшего в этом доме, подруги отпускать не собирались.

– Баба Клава! Баба Клава! – поскакали подруги за ней. – Пойдите! Куда же вы?

– Чего вам?

– Расскажите!

– Что?

– Ваш брат не сам умер? Он погиб?

– Здоровье у него слабое было. И сам бы помер.

– Но он погиб?

– Да.

– А как?

Молчание.

– Утонул в колодце?

– Да, – неохотно выдавила из себя баба Клава.

– В нашем колодце утонул? Из которого мы воду берем?

– А вы тут другой колодец видите?

– Нет, – растерянно пробормотала Кира. – Но мало ли. Вдруг он к чужому колодцу пошел?

– Зачем ему было к соседям по воду ходить, коли у него самого колодец во дворе отличный? – рассудила баба Клава.

– Так он в нем утонул?

– Нашли его там, верно, – так же сухо ответила баба Клава.

Всем своим видом она давала понять, что не расположена к разговорам о причинах, приведших к смерти ее брата. А вот подруги были очень даже расположены.

– Баба Клава! А как же мы эту воду теперь пьем?

– А что с ней случилось? Вечером упал. А через пару дней его уже нашли. Так что труп совсем недолго в колодце пробыл. Вода не испортилась.

Ну, это еще кому как. На взгляд подруг, вода для питья стала вовсе непригодна. После покойника, который пролежал в колодце пару дней! Еще не хватало!

– Вы бы лучше посторонней ерундой головы себе не забивали! – неожиданно тепло посоветовала им баба Клава. – А подумали, как нам этого дурака из дома выставить. Сил нет на него смотреть. До чего противный!

В отношении Федора подруги были с бабой Клавой целиком и полностью согласны. Противный! И чего в нем нашла умная да благоразумная Нинусик?

– Напоминает он мне кого-то из моих знакомых, – продолжала говорить баба Клава. – До чего напоминает, сил никаких нету.

– А кого?

– Погодите-ка! Ведь так в голове и крутится. Сейчас вспомню. А-а-а! Вспомнила! Моего дядю Артема! Вот кого!

Подруги переглянулись. Дядю Артема они не знали. Но им и Федора было достаточно.

– Точно! – продолжала баба Клава. – Вылитый! Такой же мерзкий характер у мужика был. Одно слово, молодец против овец!

– А что случилось с вашим дядей?

– Да ничего! Такие мерзавцы, они самые живучие. Дожил до глубокой старости. И помер в собственной постели в окружении детей и внуков. Обрыдались, верно, бедненькие, от радости. Уж и не чаяли, что избавятся от мерзкого старикашки.

И баба Клава покачала головой.

– А ваша-то подруга замужем за ним или как?

– Да.

– Официально?

– Да.

– Ой, беда! Вот дядя Артем тоже на всех своих бабах официально женился. Они-то сначала радовались, думали, счастье им привалило. Мужик-то он из себя видный был. И в руках себя до поры до времени умел держать. Это уж он их после регистрации лупить начинал.

– Лупить?

– Ага. Когда в своем праве себя чувствовал, так и начинал их уму-разуму учить. И до того в раж входил, что ребра бывало ломал. А уж синяков у них без счета было.

– Думаете, и Федор бьет Нинусика?

– Достается ей от него на орехи. А если нет еще, то скоро все начнется. Это уж точно. Видали, как он на меня попер? Немалая практика в этом деле у человека чувствуется!

Слова бабы Клавы окончательно подкосили подруг. Ну и положение, хуже не придумаешь. Нинусик вышла замуж за человека, который если ее еще и не бьет, то в скором времени начнет. А из их колодца, из которого они вчера весь день брали воду и воду эту пили, совсем недавно извлекли труп хозяина дома. А теперь две его наследницы не могут поделить оставшееся после него имущество. И одна из них поселилась в нем, нимало не смущаясь, что подруги заплатили большую сумму денег как раз за то, чтобы не иметь в доме никого постороннего.

– Впрочем, если уж выбирать из двух зол, то я бы предпочла бабу Клаву, а не Федора.

Кира тоже так думала. Федор вел себя отвратительно. Он ругался, орал на весь дом и требовал омлет из свежих яиц.

– Но молоко чтобы было парное. Мне с моей травмой нужно много кальция!

– Свечу тебе в жопу! – ругнулась баба Клава, услышав это. – Да не от геморроя, а обычную парафиновую, только потолще!

– Хочу омлет! И молока!

– Ох, девки, – вздохнула баба Клава. – Бегите ему за молоком. Ведь не успокоится, гад!

Кира отправилась за яйцами в магазин. Леся через садоводство к остановке, где летом сельские жительницы привозили творог, молоко и сметану от собственных коров. А баба Клава пошла в аптеку, где собиралась купить каких-то таблеток и потихоньку скормить их Федору.

– Я старая – мне продадут. И мы с вами ему потихоньку в омлет и замешаем. Пусть поспит. Сам отдохнет и нам передых даст.

И все три заговорщицы разошлись в разные стороны. Однако, отойдя от дома за сотню метров, Леся внезапно обнаружила, что забыла все деньги дома. И она даже не стала ругать себя за забывчивость.

– Ничего удивительного. Заморочили голову! Ну и отдых! Скорей бы уж обратно в город!

Возвращаясь назад к их дому, Леся неожиданно увидела бабу Клаву. Старушка тоже возвращалась домой. Леся хотела ее окликнуть, решив, что баба Клава тоже забыла деньги или очки. Но внезапно передумала. Что-то насторожило Лесю. Уж больно крадучись двигалась баба Клава. Словно опасалась, что ее могут заметить.

«Чего это она? – удивилась девушка. – На старости лет решила в шпионов поиграть?»

Каково же было недоумение Леси, когда она поняла, что ее догадка верна. Или, по крайней мере, очень близка к истине. Баба Клава прокралась под деревьями к самому дому. Из окна ее увидеть не могли. Баба Клава двигалась вплотную к стене. И так тихо и осторожно, что ни один камешек не шевельнулся под ее ногами, обутыми во все те же потрепанные кроссовки.

– Любопытно. Чего это она?

А баба Клава подкралась к окну и долгое время прислушивалась. Убедившись, что в комнате никого нет, она осторожно взялась за подоконник, подтянулась на руках и заглянула в комнату. Висела она так довольно долго. Леся невольно восхитилась отличной спортивной формой бабульки. Лично у нее самой и от половины усилий уже сделалось бы сердцебиение и слабость. А баба Клава, повисев на подоконнике, так же осторожно спустилась вниз. И так же тихо ушла.

При этом вид у нее был торжественный и расстроенный одновременно.

– Что она там увидела, интересно знать?

Любопытство родилось раньше Леси. И поделаться со своей натурой она ничего не могла. Раз бабе Клаве что-то в комнате показалось интересным, то и ей нужно это увидеть. И Леся

двинулась к дому. Конечно, висеть на подоконнике ей нечего было и мечтать. Таких мускул у Леси отродясь не водилось. Но ведь можно было действовать иначе.

И Леся, осторожно приблизившись к дому, разулась и поднялась на крыльцо. Она уже успела отметить, что крыльцо в доме добротное, крепкое и совершенно не скрипит. Так же, кстати говоря, как и пол, и двери. Оказавшись в сенях, Леся осторожно приоткрыла дверь и заглянула в дом. В ту самую комнату, которую обзревала снаружи баба Клава.

Ничего подозрительного она не заметила. Нинусик и Федор стояли на коленях и чистили печку от старой золы и остатков дров. Они так увлеклись этим занятием, что ничего не слышали и не видели вокруг. Леся даже умилилась. Все-таки у этой парочки есть совесть! Поняли, что печь давно не топлена. И решили подготовить ее к топке. Молодцы какие! И нечего судить о ближних только по их отдельным поступкам. Иной раз люди вначале кажутся куда хуже, чем есть на самом деле.

В связи с этими благодетными мыслями Леси несколько странно прозвучали слова Федора.

– Быстрее давай! – приглушенным голосом прикрикнул он на свою жену. – Пошевеливайся! Скоро эти дуры вернутся. Нужно к их возвращению успеть все закончить!

– Стараюсь, милый! Стараюсь!

– Лучше ищи!

– Ищу!

Некоторое время парочка копалась в золе молча. А потом Федор не вытерпел и произнес:

– Как подумаю про эту бабку, прямо такое зло берет!

– Принесла же ее нелегкая! – согласилась с мужем Нинусик.

– И откуда она только взялась?!

– Сказала, что из Тулы.

– Из Тулы?!

Федор на некоторое время даже замер.

– Ну, из Тулы так из Тулы. Наследница, блин!

И он снова полез в печку. Почти до самого дымохода пролез! Перепачкался весь, измазался и обозлился до крайности.

– Слышь, Нинка. Заканчивай давай. Ничего тут нет!

– Я еще поищу!

– Заканчивай, я тебе сказал! Нет тут ни хрена! В другом месте искать будем. Времени мало!

И, поднявшись с колен, Федор отряхнулся, подняв небольшое облачко золы.

– Я пойду помоюсь. А ты тут приberi все! – велел он Нинусику. – Да смотри у меня, чтобы все чисто было! Эти твои подружки не должны пронюхать, что мы что-то ищем!

И Федор двинулся к выходу. Сообразив, что сейчас столкнется с ним нос к носу, убежать она уже не успеет, Леся нацепила босоножки и сделала наивное лицо.

– А я деньги на молоко забыла! – бодрясь изо всех сил, воскликнула она. – Представляете, какая клуша! А тебе, Федя, я вижу, лучше?

– Немного, – буркнул Федор. – Бери деньги и иди!

– Спасибо за разрешение. Между прочим, за твоей прихотью иду!

– Вот и иди!

– Деньги нужны.

– Возьми.

– Пройти дай! – обозлилась Леся.

В самом деле Федор загораживал ей проход. И мешал войти в дом. Но он даже и не подумал посторониться.

– Сам дам денег, – буркнул он. – Раз уж мне это молоко пить.

И он полез в карман, откуда извлек пятидесятирублевую бумажку и еще несколько десятков. Пятьдесят рублей, подумав, он спрятал в карман. А остальное протянул Лесе.

– Этого мало! – возмутилась девушка.

– Сколько же там это молоко может стоить?

– Рублей тридцать за литр.

– Ни фига себе! – присвистнул Федор. – В городе и то дешевле!

Ах ты, жадина! Тут уж Леся всерьез озлобилась. Жадин она не любила. А в мужчинах жадность почитала первейшим грехом. Смертным. В том смысле, что жадины рядом с Лесей не уживались.

– Вот в городе и пей молоко из порошка! А тут люди со своего хозяйства живут!

– Ну, так и купи литр. Мне больше не выпить.

– Они трехлитровыми банками обычно продают.

Федор закричал. И снова полез в карман. С видимым сожалением он отдал пятидесятирублевку Лесе. И еще горсточку мелочи.

– Все! Теперь хватит!

В дом он Лесю так и не пустил. И она ушла с ощущением, что ее выгнали из собственного угла. И по какому праву, собственно говоря, этот Федор так тут распоряжается? Баба Клава, хотя и наследница, и та ведет себя тактичней. А Федор тут вообще никто! Незванный гость! Вот уж недаром существует поговорка.

Размышляя таким образом, Леся двинулась к остановке. Благополучно купила там трехлитровую банку свежего молока у симпатичной, розовощекой и чисто одетой молодой женщины. Леся давно заметила, чем опрятней и чище выглядит продавец, тем лучшего качества будет у него товар.

Никогда не следует покупать товар у человека, который курит, плюется и сморкается возле своего лотка. Пусть даже это лоток с обычной картошкой. Неизвестно ведь еще, чем продавец там на нее начихает. И чем он там ее удобрял, чтобы вырастить свой урожай.

По дороге домой Леся столкнулась с бабой Клавой.

– Из аптеки иду! – бодро сообщила ей старушка. – Купила ироду лекарства! Коли буяннить начнет, мы ему в молочко таблеточек и сыпанем. Мигом уgomонится!

Леся хотела спросить у бабы Клавы о причине ее столь странного поведения всего полчаса назад, но постеснялась. Мало ли с какими целями баба Клава следит за Федором и Нину-сиком. Может быть, у нее манера такая к старости выработалась. Леся вообще считала, что пожилых людей следует теребить как можно реже. Потому что за долгую жизнь у них сформировались свои привычки, за которые они и держатся изо всех сил и которые другим могут показаться не только странными, но даже и непонятными.

И вместо этого Леся спросила:

– Баба Клава, а вы тут жить собираетесь?

– Где?

– Ну, в доме.

– С какой стати? – непритворно изумилась баба Клава. – У меня свой дом есть. Я же тебе с подружкой рассказывала. Я из самой Тулы сюда прикатила.

– Ну да. Припоминаю.

– Вот там у меня дом. С садом, с огородом, хрюшка с приплодом в хлеву лежит, курочки, гусочки. А я все бросила и сюда прикатила!

– Значит, дом вашего брата вы продать хотите?

Баба Клава задумалась.

– Не знаю. Нет, вряд ли. Пусть Настька пользуется.

Леся окончательно встала в тупик.

– А зачем же вы тогда хотите, чтобы наследство на вас оформили?

– А затем! – буркнула баба Клава. – Хочу, и все тут! И не суй свой нос в чужие дела!

Леся ничуть не обиделась. Ругнулась баба Клава беззлобно. Скорей по привычке на всех ворчать. Но при этом Леся упорно не понимала, зачем старуха затеяла эту экспедицию из Тулы к ним в Питер. Если дом брата ей в собственность не нужен, то чего она тогда сюда приехала? Зачем бросила свинью с поросятами и прочее хозяйство?

Кира была уже дома.

– Федору хуже! – таким известием встретила она Лесю и бабу Клаву у калитки. – Стонет и ругается без умолку!

Леся оторопела. Она совсем недавно видела Федора вполне бодрым. Он так энергично копался в печке, что пыль стояла столбом. А теперь ему, видите ли, стало хуже. Притвора! Баба Клава тоже не поверила в серьезность болезни Федора.

– Раз силы на ругань есть, точно не помрет!

– Устала от него, сил никаких нет! – простонала Кира. – Хоть бы заткнулся! Хоть на часок!

– Сейчас нашего молочка попьет и уgomонится, – сказала баба Клава. – Я пока приготавливаю, а вы его жену покараульте.

После парного молочка с таблетками бабы Клавы Федор в самом деле затих. А некоторое время спустя захрапел. И у всех обитающих в доме женщин вырвался вздох облегчения. Даже Нинусик не скрывала своего облегчения, когда Федор заснул.

– Пойду и я прилягу, – дрожащим голосом произнесла она.

Вот Нинусик в самом деле выглядела больной.

– Иди, конечно! – сочувственно отозвалась Кира, вспомнив про ее положение. – Ты до того бледная, что прямо серой кажешься.

Нинусик явно смутилась. А Леся вспомнила, как она копалась в золе. Наверное, Нинусик не так хорошо отмылась. Вот на коже и остались частички золы, которые придают девушке мертвенно-серый цвет.

– В твоём положении нужно хорошо отдыхать, – добавила ничего не подозревающая Кира.

И Нинусик смутилась окончательно. Румянец, который пробивался сквозь покрытые пеплом щеки, получился на удивление живописным. Сочетание пепельно-серого и нежно-розового цветов всегда изумительно красиво.

– В к-каком положении? – пролепетала она. – Ты это о чем?

– Ну, ты же беременна.

– Я?!

Глаза у Нинусика сделались большие и очень изумленные.

– Ничего подобного. С чего вы взяли?

Подруги переглянулись. Выходит, Федор им соврал. Да еще забыл предупредить супругу о своем обмане. Занятно. А зачем это ему было нужно? Впрочем, понятно зачем. Он хотел остаться в доме. А мнимая беременность Нинусика являлась хорошим поводом. Но зачем ему так приспичило оставаться в доме, где ему не рады? И даже откровенно гонят прочь? Вот этого подруги не понимали.

– Надо будет сказать Федору, чтобы в следующий раз лучше придумывал свой обман, – пробормотала Кира себе под нос. – А то он у него, как говорится, белыми нитками шит.

Когда Нинусик ушла, Леся отвела подругу в сад под предлогом сбора петрушки к запоздалому обеду.

– Ты знаешь, мне кажется, что Нинусик и Федор что-то затевают.

– Что?

– Точно не знаю. Но что-то тут нечисто!

И Леся подробно рассказала подруге о том, как случайно вернулась домой и увидела, как их гости рылись в печке. А баба Клава подглядывала за ними.

– Они чокнутые? – изумилась Кира. – Зачем им тайком рыться в нашей печке?

– Вот и я об этом же думаю! Сначала я решила, что они хотят сделать нам приятное и потихоньку, пока нас нет, чистят печку. Сюрприз такой.

– Ну да! Совесть проснулась.

– Нет. Не для этого они в печке копались, чтобы ее почистить. Я смотрела. Вся зола и мусор остались там!

– Да что ты говоришь?! – неприятно удивилась Кира. – Но это же совсем странно! Они сначала выгребли золу и мусор, а потом засунули все обратно?

– Да.

– А зачем им просто так копать в нашей печке?

– Вот именно! Зачем? Ты говоришь, баба Клава за ними подглядывала. Может быть, они действуют сообща?

– Мне так не показалось, – покачала головой Леся. – Скорей уж наоборот.

Кира ненадолго задумалась.

– Позвоню этой авантюристке Анастасии Петровне, – решила она наконец. – Спрошу, как же быть со старушкой.

Но Анастасия по-прежнему находилась вне зоны или была отключена. Подруги склонялись ко второму. Во всяком случае, им было ясно, с проблемой Федора и бабы Клавы им придется справляться самим.

И, возвращаясь домой, подруги решили проверить свою догадку.

– Пойдем потихоньку и посмотрим, чем они там занимаются.

Подруги так и сделали. Оказалось, что баба Клава перебирала старые шмотки, сложенные в платяном шкафу, и озабоченно бормотала что-то себе под нос. Вид у нее был задумчивый и печальный одновременно. Зато Нинусик рылась самозабвенно и неистово.

Ну да, как оказалось, она вовсе не отдыхала в своей комнате. Подруги обнаружили ее в маленьком сарайчике, где у бывшего хозяина хранилось разное барахло и инструменты. И сейчас все эти вещи так и летели из-под быстрых рук Нинусика. Вот она не выглядела ни печальной, ни задумчивой. На ее лице четко выделялось одно чувство – азарт!

– Слушай, что они все ищут? – недоуменно пробормотала Кира. – Может быть, в доме спрятан клад?

– А что? – оживилась Леся. – Вполне возможно!

– А чего мы теряемся? Нам надо его тоже поискать!

Лесе эта мысль пришлась по душе. Какой человек не любит искать клад! Это самое захватывающее занятие из всех, какие только можно себе представить. Пусть даже клад будет чужой. И про него ровным счетом ничего не известно. Все равно Леся готова была попробовать. Про Киру и говорить нечего. Авантюрная жилка в подругах взыграла с невиданной прежде силой. И теперь требовала от девушек конкретных действий.

– Откуда начнем поиски? – потирая руки в предвкушении интересного развлечения, спросила Кира.

– Думаю, что сверху.

– С чердака?

– Да.

Тут у подруг было неоспоримое преимущество перед их конкурентами. Ключи от чердака имелись только у них. Анастасия Петровна, перед тем как сгинуть в краснодарских далях, оставила подругам ключи от всего дома. В том числе и от чердака.

– Дед закрывал его от внуков бабы Клавы, когда они были маленькие и гостили у нас, – пояснила подругам Анастасия Петровна. – Потом все разъехались, и замок стал уже не нужен. Но по старой памяти все равно мы дверь на чердак закрывали.

Итак, ключи от чердака у подруг имелись. И сразу же после обеда, который они соорудили на скорую руку из молодой картошки, укропа и копченой колбасы, подруги под предлогом послеобеденного сна, отправились вверх.

– Им можно, а нам нельзя? – ворчала Кира. – Будут знать, как за нашей спиной что-то в нашем доме искать. Подлые!

– Слушай, а мне вот странно, откуда Федор узнал о кладе?

– Мы не знаем, чего он ищет, – напомнила Лесе подруга.

– Уж ясно, что не свои драные носки! Клад он ищет! Ценности.

– Ценности, – пробормотала Кира. – Слушай, а ведь Федор знаком с нашей хозяйкой!

– С бабой Клавой!

– С Анастасией!

– Откуда? – разинула рот Леся.

– Не знаю, откуда, но знаком. Вспомни, как он сказал, когда упрасивал нас оставить его в гостях: «Настька ничего не узнает!»

– Ну и что?

– А откуда он мог знать, как зовут нашу хозяйку?

Леся замерла, обдумывая слова подруги.

– Значит, он знает Анастасию. И знает, что в доме есть что-то ценное.

– Вот именно. Но, может быть, он просто предполагает, что в доме может быть спрятано что-то ценное.

Леся покачала головой:

– Ты не видела, как он роется! Это же сила! Это страсть! Это азарт!

Кира задумалась. Но сколько ни думала, ничего внятного по этому поводу она сказать так и не сумела. И поэтому просто махнула рукой.

– А пока будем искать сами!

И ни одной из подруг не пришла в голову одна простая мысль. Очень трудно искать, если не знаешь, что именно ты ищешь. Но это им предстояло постигнуть на практике. А сейчас, закрывшись изнутри, подруги принялись обыскивать чердак. Вещи оказались грязными, старыми и пыльными. Но все же не настолько, как ожидали подруги.

– Такое впечатление, что тут до нас уже кто-то пыль стряхнул, – в очередной раз чихнув, произнесла Леся.

– Да. Мне тоже так кажется.

– И кто это мог быть?

– Анастасия, наверное.

– А ей что тут было нужно?

Кира пожала плечами. Можно было бы предположить, что дед Лаврентий был сказочно богат и так же сказочно скуп. И все свои денежки и прочие накопления складывал в синий шерстяной чулок, который потом и запрятал где-то в доме. При этом своим наследникам точного места не указал. Просто заявил, что клад в доме. И помер.

– Да и помер он как-то странно! С чего ему за водой-то понадобилось идти?

– Пить захотел.

– Этот рыжий Дима говорит, что сам натаскал деду воды на несколько дней.

– Всю выпил. Гости к нему приехали. Вот воды и не хватило.

– Вот! Вот именно! Гости! Ты кумекаешь, к чему я веду?

– Думаешь, деда столкнули в колодец?

– Вполне могли! Он жил тут один. Поблизости никого. Да и местные менты тоже не станут особенно себя утруждать. Свалился пьяным в колодец, и все! Дело закрыто. Никому нет дела до того, как на самом деле закончил свои дни старик.

Под такие разговоры подруги перебирали вещи на чердаке. В числе разного старого хлама тут было несколько интересных фарфоровых безделушек и разрозненные тарелки от сервизов. Леся сначала долго вертела их в руках. А потом сказала:

– Вот эти блюдечки мне знакомы. Они трофейные.

– Трофейные? Что значит трофейные?

– Из Германии после войны их сюда привезли.

– А ты откуда знаешь?

– У Юльки дед всю Великую Отечественную войну прошел. До полковника дослужился. Так он после победы из Германии целый вагон добра привез. Ткани, мебель, посуду, игрушки, одежду. У нас все в дефиците было. А у немцев в порядке.

– И что?

– А то, что у Юльки дома до сих пор такие блюдечки есть.

И Леся показала Кире блюдца с мелкими нежными цветочками и вычурной позолотой по краю.

– Ты не путаешь?

– Ничуть! И вот эта статуэтка тоже из Германии.

И Леся показала пастушку с отбитым носом и сломанной ножкой. Клеймо на обороте в самом деле утверждало, что статуэтка сделала в Германии.

– И вон тот клоун с облупившимся румянцем тоже не российского происхождения.

И Леся показала деревянного, ярко раскрашенного клоуна. То есть когда-то этот клоун был раскрашен весьма ярко. Сейчас от краски осталось одно воспоминание. Но, несмотря на это, что-то в клоуне было нерусское, с этим Кира не могла не согласиться.

– И что из этого следует?

Вместо ответа Леся наклонилась и сильно чихнула. С полу поднялось облачко пыли. И подруги внезапно увидели листок бумаги, забившийся в щель между досками. Листок был очень старым, пожелтевшим от времени. Подруги с трудом извлекли его на свет. И, разворачивая его, опасались, как бы он не развалился у них в руках от ветхости. Лучше бы развалился. Потому что ничего красивого они не обнаружили. На рисунке была изображена чья-то жуткая физиономия.

Было видно, что рисовал ребенок. Но при этом он удивительно точно изобразил чудовищное лицо. Огромные злобные глаза, клыкастый рот, из которого неровные клыки торчали во все стороны. Морщины на лбу. И, самое главное, вместо волос на голове чудовища шевелились змеи.

– Страх-то какой! – воскликнула Леся. – Как ты думаешь, может быть, это Медуза горгона?

– Не думаю. Судя по легенде, она была женщиной. И довольно красивой. Только вместо волос у нее были змеи. Вот и все сходство с рисунком. Потому что этот урод явно мужчина. И ничуть не красивый!

– Да. Но кто он такой?

– Не знаю.

– Вряд ли его нарисовали просто так, от балды. Слишком тщательно прописаны все детали.

Кире тоже казалось, что рисунок был выполнен с натуры. Но что же это за натура такая жуткая? Откуда взялась? И куда подевалась?

– Вот этот рисунок кое-чего стоит, – задумчиво произнесла Кира. – Надо бы показать его бабе Клаве. Она самая старая. Может и объяснить, что это такое.

И подружки спустились вниз. Баба Клава делала вид, что разбирается в подполе.

– Все припасы, что брат сделал, просмотреть нужно. Что старое – выкинуть, а что еще годится, пустим в пищу. У нас в семье все хозяйственные были. И у Лаврентия всегда много заготовок на зиму хранилось. Жалко, если они пропадут.

И баба Клава отправилась в подпол. Но когда подружки потихоньку туда спустились, она была занята вовсе не банками, которых на полках в самом деле толпилась тьма-тьмущая. А тем, что простукивала стены и пол.

– Баба Клава! – позвала ее Леся.

Старушка слегка вздрогнула. Но тут же сделала вид, что ровным счетом ничего не произошло.

– Вот, смотрю, в порядке ли фундамент, – произнесла она.

– И как? – не без ехидства поинтересовалась у нее Кира.

Но баба Клава сделала вид, что намека не поняла.

– Думаю, если ничего не произойдет, – невозмутимо произнесла она, – еще лет двадцать простоит без ремонта.

– Баба Клава, а у нас к вам вопрос.

– Ну? Спрашивайте!

– Что вот это такое?

И, шагнув вперед, Кира протянула старушке найденный на чердаке рисунок. Сначала баба Клава не поняла, что ей показывают. Конечно, в подполе был свет. Но тусклый. Однако, присмотревшись, она явно узнала чудовище, которое было изображено на рисунке. Руки ее задрожали. И даже губы затряслись.

– Откуда вы это взяли?! – вырвался у бабы Клавы испуганный возглас.

– Нашли.

– Где? Где нашли?

– На чердаке.

– На чердаке! Ах!

И баба Клава схватилась за сердце. Подруги даже испугались за нее.

– Вам плохо?

Но баба Клава жестом остановила их:

– Сейчас пройдет.

Она немного постояла, разглядывая рисунок, но уже без прежнего волнения. А когда ее окончательно отпустило, вцепилась в подруг. И затрясла их словно грушу.

– Что там еще было? Ну? Говорите!

– Где?

– На чердаке!

– Ничего не было. Только разный хлам и этот рисунок под доской.

– А его не было?

– Кого – его?

– Его! Урода!

Подруги непонимающе переглянулись. О ком она говорит? И тогда баба Клава сунула им их рисунок прямо под нос.

– Вот о нем говорю! – громко закричала она. – Про этого уроды говорю. Про проклятие, которое Лаврентий своими руками принес в нашу семью! Он там был?

– Кто?

– Урод!

– С картинки?

– Ну да!

– Нет, – ошеломленно ответили девушки. – Его там не было!

- Не было или вы не нашли?
- Не было!
- Ох!

И баба Клава опустилась на приступочку, где прежде стояли банки с яблочным компотом. Ее лицо казалось совсем старым. А руки, по-прежнему цепко держащие рисунок, подрагивали.

– Это он! – шептала старуха. – Один всего раз его видела, но запомнила на всю жизнь. Он! Точно он!

И, внезапно подняв на подруг глаза, она твердо произнесла:

– Вот что! Нам с вами нужно поговорить!

Подруги только того и хотели. Они помогли бабе Клаве подняться. И вывели ее из подпола. Однако в сад она идти не захотела. А потребовала, чтобы ее провели на чердак, где подруги и нашли перепугавший ее рисунок. Оказавшись на чердаке, баба Клава несколько успокоилась. И, обведя глазами вокруг себя, указала подругам на старый сундук.

- Присядьте, – велела она им.
- Да мы постоим.
- Присядьте! Разговор у нас с вами будет не быстрый.

Глава четвертая

И в самом деле торопиться баба Клава не стала. Подруги уже давно устроились на жесткой крышке сундука, подстелив себе для мягкости старые бархатные портьеры. А баба Клава все еще сидела на старом плетеном кресле, из которого прутья торчали, как иглы из спины дикобраза. И наконец она заговорила.

– История эта такая странная, что вы даже можете подумать, будто бы я не в себе, – произнесла она.

Подруги попытались ее заверить, что они так вовсе не думают. Но баба Клава только отмахнулась от них:

– Выслушайте сначала, а потом судите.

При этом она не выпускала из рук того самого рисунка, который нашли подруги. И, протянув его в раскрытом виде подругам, спросила:

– Как вы думаете, что это такое?

– Думаем, что это чье-то лицо.

– Лицо какого-то монстра, потому что оно жутко уродливое.

– Верно, – кивнула головой баба Клава. – А теперь слушайте. Этого уродца мой брат привез с войны.

Великая Отечественная война теперь кажется чем-то далеким и почти нереальным. Конечно, в каждой семье чтят память погибших на этой войне предков. И скорбят по ним. В День Победы обязательно вспоминают тех, кому не довелось посидеть за праздничным столом, отметить ее первую годовщину и все последующие. Вспоминают тех, кто не дошел до Берлина, оставшись где-то по дороге – в снегах России или в чистеньких городах Европы.

Но еще живы люди, которые помнят громовые раскаты той войны, унесшие с собой жизни, здоровье и надежду на счастье для многих. Этих людей мало, но они есть.

Дед Лаврентий был именно таким последним из могикан. Он пошел на войну безусым мальчишкой, набавив на призывном пункте себе лет. И в сорок третьем году уже ушел на фронт. Ему не было даже шестнадцати.

За долгие военные годы у него было время, чтобы много раз понять, какого дурака он сваял. Война оказалась совсем не тем, что он себе представлял. Оказалось, что фанфар и отчаянных вылазок в сторону врага не предвидится. А война – это грязь. Война – это боль. Война – это смерть.

К этим простым выводам Лаврентий пришел очень быстро. Но судьба его была такова, что сам он, похоронив многих своих менее удачливых товарищей, дошел до самого Берлина. Видел красный советский флаг на развалинах рейхстага. И при этом не только остался жив, но даже вернулся с войны с двумя пустячными ранениями – в ногу, где пуля просто оцарапала кожу, и в предплечье.

– Тебе, парень, просто повезло, – только и сказал врач Лаврентию. – Осколок такой маленький, что проживешь с ним всю жизнь, ни разу и не вспомнишь.

Уходя на войну, Лаврентий знал, что у него есть большая семья. Три брата и две младших сестры. Но братья погибли один за другим, одна из сестер погибла в бомбежку. Осталась только одна сестра, которую война занесла в Тулу, да там и оставила.

– Это сестра – вы? – спросила Кира у бабы Клавды.

– Да. Другой родни у нас с Лавром не осталось. Война унесла всех.

В Туле Клавдия вышла замуж и родила девочку. Племянницу Лаврентий никогда не видел. Знал о ее рождении только из редких писем сестры. И, понимая, что из близких у него на всем свете остались только эти две девочки, очень рвался к ним.

– В каждом письме писал, что приедет, что любит, что помнит.

И Лаврентий приехал. Едва закончилась война, он поспешил к сестре. С тех пор прошло больше полувека. Но баба Клава помнила тот миг, когда ее брат вошел в их комнату, где она возилась с дочуркой.

Объятия, слезы, поцелуи. Крохотная Машенька, сидя на полу, недоумевающе смотрела на незнакомого бородатого дядю и маму, которая рыдала у него на плече. Видимо, ребенок подумал, что чужой дядя обижает маму, и внезапно зашлась криком.

– Машенька! Не плачь! Это же твой дядя! – кинулась к ней мать.

– А что у меня есть! – произнес Лаврентий и, желая порадовать племяншку, словно фокусник извлек из вещмешка маску какого-то неведомого зубастого страшилища. Клавдия вскрикнула. Машеньке жуткая маска, как ни странно, понравилась. Ребенок потянулся к ней своими ручонками. И, радостно хохоча, попытался напялить ее на себя.

– Не надо! – рванулась Клавдия к ребенку.

Но Лавр ее остановил.

– Смотри, как забавляется! – умиленно произнес он. – Весело ей! Пусть играет!

Вскоре пришел с работы муж Клавдии. Он тоже был рад встрече. Они хорошо посидели в тот вечер. Машенька им совершенно не мешала. Ребенка увлекла ее новая игрушка.

Но, укладывая дочурку спать в тот вечер, Клавдия заметила, что у девочки поднялась температура.

– Ну, бывает! – пробормотала про себя молодая мать. – Поспит, и пройдет.

Однако к утру девочке лучше не стало. Держалась температура и днем. А к вечеру ребенок уже весь горел. Вызвали врача. Но та лишь развела руками.

– Видимо, воспаление. Нужны антибиотики. Но в аптеках их нет. Попробуйте достать у спекулянтов, тогда у вас появится шанс спасти ребенка.

Лаврентий антибиотики достал. Но Машеньке они уже не помогли. И к исходу третьего дня ребенок просто сгорел от высокой температуры. Горе Клавдии не знало предела. Однако время шло. Клава через несколько лет родила мальчика. А за ним еще одну девочку, которую тоже называли Машенькой. А потом случилось несчастье. Однажды, придя домой с работы, Клавдия увидела сына, который вертел в руках маску Урода, которую она спрятала после трагедии и никогда больше не доставала.

– Не трогай! – кинулась к мальчику мать. – Положи на место!

– Мама, а что это?

И не успела Клавдия ахнуть, как сын напялил маску на себя. У Клавдии случилась истерика. Она рассказала сыну о его рано умершей сестре. Об этой злосчастной маске.

– Не бойся, мамочка! – обнял ее за шею сын. – Со мной такого не случится.

– Буду надеяться, мой хороший!

И, заливаясь слезами, Клавдия обняла сына. Но в ту ночь она не спала, чутко прислушиваясь к дыханию ребенка за занавеской. Вроде бы все было нормально. Прошло около месяца. Мальчик и не думал болеть. И Клавдия понемногу совсем успокоилась. По настоянию сына она даже повесила маску на стену. Муж тоже был доволен. Все приходящие к ним гости восхищенно ахали при виде Урода, как окончательно прозвали маску в семье.

Несчастье случилось на Новый год. Клавдия всегда была хлебосольной хозяйкой. И любила принимать гостей. Вот и на этот Новый год она позвала много народу. В числе их был и один молодой человек, историк по профессии. Его привела подруга Клавдии, которая собиралась за него замуж.

Тот увидел маску и остолбенел.

– Куни-Уни! – бормотал он себе под нос. – Не может быть! Нет, может! Это в самом деле он. Потрясающе! Феноменально.

– Ты это чего? – подошла к нему Клавдия и сняла маску со стены. – На! Погляди получше!

– Откуда у вас маска Куни-Уни? – ахнул историк, протягивая к маске дрожащие руки.

– Брат привез. С войны.

– Поразительно! Этого просто не может быть. Не верю своим глазам!

Клавдия даже обиделась на молодого человека.

– А чем мы хуже других? – фыркнула она. – Есть и у нас реликвии. Страшновато, конечно, смотреть. Но мы привыкли.

– Нет, вы не понимаете! Это не просто украшение! Это культовая вещь! Жрецы использовали ее при жертвоприношениях!

– Чушь какая-то! – вмешался муж Клавдии. – Просто страшная физиономия!

– Дайте мне ее посмотреть!

И историк схватился за маску. Он даже приложил ее к своему лицу. Клавдия не вмешивалась. Взрослый человек, небось знает, что делает. Постепенно историк успокоился. Только сказал, что если это не подделка, то место маске в музее. А никак не в обычной тульской квартире, где ее даже никто толком увидеть не может.

Клавдия подумала про себя, что молодой человек слишком много воображает о себе и о своем музее, в котором работает. И занялась винегретом.

– А на сладкое у нас вишневое варенье! – торжественно произнесла она. – Еще моя свекровь варила!

Варенье было изумительным. И несмотря на то, что свекровь поленилась и не вытащила косточек из ягод, варенье попробовали все. Больше всего оно пришлось по душе сыну Клавдии. И она сама подкладывала и подкладывала ребенку сладенького, недовольно косясь на историка. Тот тоже распробовал лакомство. И накладывал себе его уже сам, совершенно не стесняясь.

Клавдия даже начала подумывать, а не убрать ли банку, чтобы спасти хотя бы остатки варенья от обжоры. Но тут варенье кончилось. А время было уже позднее, верней, раннее. Всем захотелось спать. И веселье пошло на убыль. Гости мало-помалу стали расходиться. И когда все ушли, Клавдия спохватилась, что не видит сына.

Он был у себя в комнате. Лоб у него был мокрый от холодного пота. И мальчика всего трясло.

– Что с тобой? – испугалась Клавдия.

– Нехорошо мне, мама, – простонал тот. – Это варенье! Оно у меня так и стоит перед глазами.

– Объелся!

К утру ребенку пришлось вызвать «Скорую помощь».

– Похоже на желудочные колики, – заявил безусый юнец, приехавший на машине. – Ничего страшного. Дайте ему раствор марганцовки. И все пройдет.

Но ничего не прошло. И уже вторая «Скорая» забрала ребенка в больницу. А вечером, когда мальчик был в больнице, к Клавдии прибежала ее подруга. Та самая невеста историка. Сначала Клавдия даже не поняла, что происходит. Подруга редела белугой. И слов было не разобрать. Единственное, что поняла Клавдия, с историком случилось что-то нехорошее. И подруга почему-то обвиняет в этом Клавдию.

– Да отстань ты от меня! – обозлилась наконец Клавдия. – У меня вот мальчишка в больницу угодил. Не до тебя сейчас!

Подруга перестала реветь. И со страхом уставилась на Клавдию.

– Как? И твой мальчишка тоже? Что у него?

– Не знаю. Будто бы отравился!

– Все варенье твое! – заревела снова подруга.

Клавдия ощутила смутное беспокойство.

– Что с вареньем не так?

– Яд в нем был!

– Не может быть! Я сама ела. И как видишь, жива и здорова!

– Ты ложку съела, корова толстая! А они с Михасиком всю банку на двоих умяли!

Подруга снова заревела. А Клавдия поняла, что надвигается что-то ужасное и необратимое. То же чувство было у нее, когда болела ее Машенька. И теперь Клавдия уже знала, что будет дальше. И чутье женщину не обмануло. Историк и ее сын скончались в один и тот же день. С разницей в один час.

– Несчастный случай! – разводили руками врачи. – Ядро вишневых косточек содержит синильную кислоту. Варенье было закатано давно, использовать в пищу его было уже нельзя. Ведь яд из косточек постепенно перешел в сироп и сами ягоды. Он и отравил людей.

Клавдия была сама не своя от горя. Она сорвала со стены злополучную маску. И помчалась в Ленинград, где осел ее брат. Клавдия ворвалась к нему в дом среди ночи. Прямо с поезда, взлохмаченная и шатающаяся от горя.

– Возьми свой проклятый подарок! – закричала она, швыряя маску прямо под ноги брату. – Возьми эту маску! Она уже погубила двух моих детей! Оставь же мне хотя бы дочь!

Лаврентий был потрясен свалившимся на сестру очередным несчастьем. Но в то, что именно маска Урода виновата в том, что они погибли, не поверил.

– Ты сейчас в шоке, – уговаривал он сестру. – Придешь в себя и сама поймешь, что это все чушь!

– Нет, – мотала головой женщина. – Это маска их убила. Она любит кровь! И пьет ее у каждого, кто примерит ее!

Видя, что сестра не в себе, Лаврентий спорить не стал.

– Маску я заберу. Жаль, что она тебе не понравилась. Но я понимаю, у тебя связаны с ней самые дурные воспоминания. Она останется у меня.

– Да! – выкрикнула Клавдия, чувствуя, как с души словно камень свалился.

И точно. С тех пор беды словно забыли дорогу в их семью. Единственная оставшаяся в живых дочь Клавдии выросла. Хорошая девушка легко вышла замуж за такого же хорошего, работающего и непьющего парня. И была с ним очень счастлива. В положенное время на свет появились внуки, которые тоже радовали родителей и стареньких бабушку с дедушкой.

А вот у Лаврентия с тех пор, как маска поселилась в его доме, все пошло наперекосяк. После долгих раздумий он женился на женщине, с которой встречался уже третий год. Но брак оказался неудачным. Жена ему попалась сварливая, и вскоре Лаврентий с ней развелся. Потом была еще одна женитьба. От этого брака у Лаврентия осталась дочь, жена умерла совсем молодой. Больше он не женился. И вообще с возрастом стал как-то чураться женского общества, да и вообще людей.

– Нелюдимым Лавр стал, как в возраст вошел. Все один да один. Друзей, кого в дом приглашал, по пальцам перечесть можно было. Да и то все больше с кем по работе дело имел. Только с Марусей – с дочкой своей – и оттаивал.

Потом дочь родила ему внуку. Казалось бы, жить людям да радоваться. Но на Лавра свалилась новая беда. Обожаемая им дочь вдруг исчезла.

– Как это? – удивилась Кира, перебив бабу Клаву. – Как исчезла?

– А вот так! Как люди исчезают? Вышла в магазин и пропала.

Старый Лаврентий с трудом перенес этот удар. Держала его только маленькая внучка. Ведь грудной ребенок остался на руках у деда. А кто еще бы позаботился о внучке? Ведь мужа у дочери Лаврентия – Маруси – не было. От него только и осталось, что имя – Петр. И поэтому малолетняя внучка, нареченная Анастасией Петровной, осталась на попечении крепкого еще деда.

– Долго Лавр Марусю искал. И в милицию ходил. И до самого прокурора добрался. И даже к бабке-вещунье не побрезговал съездить, хотя сроду в такие вещи не верил.

Милиция Лаврентию не помогла. А вот гадалка сказала, что Маруся его жива. Только не она это больше, потому и не возвращается. Лавр из слов гадалки ничего не понял. Решил, что

она просто вымогает из него деньги. Деньги ему были нужны для дела – маленький ребенок требовал ухода и средств.

– Лавр нашу Настьку и вырастил, – печально произнесла Клавдия Захаровна. – Только не на радость себе, а на горе.

Характером и повадками Настена пошла явно не в свою мать или деда. Жадность и себялюбие проявились в ней еще с младенчества. Получив лакомый кусок, она торопилась запихнуть его в рот целиком, не делясь ни с кем. Даже если ее очень просили, девочка только мотала головой и счастливо смеялась с набитым ртом. Баба Клава во всех недостатках своей двоюродной внучки винила ее отца. Она никогда не знала этого человека. Но была уверена, что он мерзавец и себялюбивый эгоист. А кто еще мог отказаться от родного ребенка и никогда не только не помогать ему, но даже не поинтересоваться, как живет его родная дочь.

У выросшей Насти эгоизм был как бы естественным проявлением ее натуры. Таким же естественным, как умение дышать и есть. Она была такой и другой быть просто не могла. Все ее поступки были продиктованы одним эгоизмом. И поделаться с этим ничего было нельзя. И баба Клава даже опасалась, что и замуж такую девку никто не возьмет. Но какой-то простофиля по имени Петя все же нашелся. И тут уж Лавр не растерялся и, отлично сознавая, какое сокровище его внучка и как трудно будет ее пристроить, коли Петя передумает, быстро сыграл молодым свадьбу.

– Это все очень интересно, – перебила бабу Клаву Леся. – Но когда же мы доберемся до главного?

– погоди, не торопись, – остановила ее баба Клава. – Я вот хоть человек старый и времени у меня осталось мало, а все равно никогда не тороплюсь. Это все присказка была. Сказка впереди будет.

Сказка началась с того, что, обустроявая собственное гнездышко, Настя захотела прихватить себе маску Урода.

– Это же раритет! – толковывала она деду. – Старинная вещь! Да еще из золота! Мне все завидовать будут!

Долгое время Лавр не хотел давать Насте злополучную маску. Но внучка всегда умела вить из деда веревки. И тут добила своего. Маску ей Лавр отдал. Тем более что он, уступив молодым городскую квартиру, теперь сам постоянно жил на даче.

Сначала у Насти с Петей все шло хорошо. Тихий Петя во всем слушался свою бойкую жену, беспрекословно признавая ее лидерство. Только в одном он не хотел идти на уступки.

– Я уступаю тебе во многом, – тихо, но твердо сказал муж. – Но с моими экспедициями тебе придется смириться.

Настя душой не была. И отлично понимала, что хороший, покладистый, верный и работающий муж в наше время редкость. И одну маленькую слабость она ему позволить может. Петя уже считался опытным альпинистом, с ним советовались новички, когда случилось это несчастье.

– Какое несчастье?

– Сорвался наш Петенька! – печально вздохнула баба Клава. – А перед этим странное письмо оставил. Будто бы предчувствовал свою смерть, прощался в нем со всеми.

– Ну, и что дальше?

– А то, что перед своей смертью Петя примерял маску Урода! У них был какой-то вечер на работе. Все решили одеться в маскарадные костюмы.

Петя выпросил у жены маску Урода. И через месяц погиб.

– Постойте, – удивилась Леся. – А с кем же тогда Анастасия сейчас отправилась в Краснодарский край?

Оказалось, что после смерти первого мужа Настя горевала недолго. Сыскался еще один жених, за которого она быстренько и выскочила замуж.

- Жив и здоров ее Ванька. Тем более что и маску со дня смерти Пети никто не видел!
- И подруги почувствовали, что баба Клава подошла к самому главному, и насторожились.
- Как никто не видел? Почему?

– Лавр в город на похороны Пети приезжал. А когда уехал, маски на ее обычном месте не оказалось.

- Он ее забрал себе?
- Сказал, что так.
- А зачем?

– Под старость Лавр сделался с причудами, – вздохнула баба Клава. – И стало ему мерещиться, будто бы в самом деле в маске Урода смерть скрывается. И всем, кто ее примерил, жить суждено не больше месяца.

После скоропостижной смерти мужа своей внучки, терпение Лавра лопнуло. Он приехал на похороны в город. Вошел в квартиру и первым делом вынул маску из специальной стеклянной витрины, где она красовалась. И забрал ее с собой.

– Я эту маску из земли вынул, я же ее туда и верну! – заявил старый Лавр в ответ на протесты внучки.

Сказал и сделал. И с тех пор маску больше никто не видел.

– А потом он умер, – произнесла Кира. – И маску не нашли?

– Настя, я думаю, весь дом перерыла. Очень уж ей хотелось маску обратно в свою витрину пристроить. А когда поняла, что маски ей не найти, сдала дом и уехала.

А ей на смену приехала другая кладоискательница – баба Клава. Она тоже, как и ее брат, верила, что маска приносит смерть или, во всяком случае, заключена в ней некая злая сила, которая разрушает жизни людей.

– Лавр хотел маску уничтожить. И хотя сам не сумел, но в своем последнем письме просил это сделать.

– Так, – произнесла Кира. – С вами, баба Клава, все понятно. Значит, вы не просто так приехали. Вы ищете маску вашего брата. По его собственной просьбе.

– Да.

– А эти двое? Нинусик и Федор? Они что ищут?

Баба Клава пожала сухонькими плечиками.

– Это же ваши друзья. Вам лучше знать.

Увы, подруги не знали и даже не догадывались. А потому Кира спросила у старушки:

– А в письме брат вам случайно не указал место, где искать маску?

Баба Клава вздохнула.

– Чудаковат Лавр стал под старость, я же вам говорила, – помедлив, произнесла она. – Все загадки ему разные вокруг мерещились. Тайны. И смерть свою предчувствовал. Так мне и написал, рядом она со мной ходит. А обличье я ее не узнаю!

– Жуть какая!

– Поживешь круглый год в пустом доме один-одинешенек, так и не такое чудиться начнет! – заступилась Кира за деда Лаврентия. – Внучка ведь, я так понимаю, деда своим вниманием не жаловала?

– Только летом изредка приезжала. Да и то если дед звонил, приезжайте, мол, варенье заберите. Да соленья не забудьте. Тогда уж Настя тут как тут. Покушать она всегда любила. А соленья Лавр научился мастерски закрывать. Ни одна банка не вздувалась у него. Хоть по несколько лет его заготовки стоять могли!

– Это просто прекрасно, – пробормотала Кира, явно думая о чем-то другом. – А можно узнать, что конкретно написал Лавр в своем последнем письме?

– Пожалуйста. Даже могу вам его дать почитать!

Подруги согласились с восторгом. Еще бы! Жизнь на даче приобретала совершенно несвойственные ей черты. Никаких купаний и скучного лежания на пляже, где, обливаясь ручьями соленого пота, отдыхающие приобретают модный золотистый загар. Поиск неведомого клада – занятие куда привлекательней!

Письмо брата баба Клава держала в сумочке. Сумочка была в ее комнате. И потому подругам вместе со старушкой пришлось спуститься с чердака. Прodelали они это тихо. И все равно Нинусик слышала их шаги по лестнице. Раз! И возле перил материализовалась ее любопытная мордочка.

– А что там?! – даже не скрывая сжирающего ее любопытства, спросила она. – Чердак, да?

– Да.

– А я думала, он закрыт на замок!

– Так и есть.

– Но вы же там были! Я же вижу, что были!

– Были.

– Я тоже хочу! Пустите!

Кира с Лесей прекратили спускаться, остановились прямо на лестничных ступенях и выразительно посмотрели на Нинусика. Мол, не забываешься ли ты, деточка?

– Ну, что вам стоит? – жалобно заныла Нинусик. – Я до того люблю в разной рухляди копошиться! Вы бы только знали! Неужели вам жалко пустить меня на чердак? Ведь он же не ваш!

– Вот именно!

– Но вы там были! Были! Были! Я видела, как вы спускались.

– Мы и не скрываем, мы там были.

– И я тоже хочу!

Первой не выдержала баба Клава.

– Дайте ей ключи! – прошептала она, на ухо Кире. – Пусть роется! Все равно ничего там хорошего больше нету.

Кира молча протянула ключи Нинусику. И та схватила их с такой жадностью, что едва не оторвала Кире палец, который она не успела вытащить из колечка. Даже не извинившись, Нинусик бросилась на чердак. Будить мужа она не стала. Все равно это было занятие бесполезное. После выпитого снотворного он должен был дрыхнуть еще как минимум часа два.

Итак, счастливая и гордая собой Нинусик умчалась наверх продолжать поиски. А баба Клава повела подруг в свою комнату. Порывшись в сумке, она извлекла помятый серый конверт. И, протягивая его подругам, сказала:

– Устала я чего-то. Вы, девочки, возьмите письмо. И идите к себе. Там почтаете.

– А вы?

– А я письмо брата наизусть знаю.

– Но как же мы без вас?

– Идите, – велела баба Клава. – А я пока прилягу. Что-то нехорошо мне.

– Может быть, вы заболели? Может, вам лекарства какие-нибудь нужны?

– Лекарство от моей болезни только одно, – горько усмехнулась баба Клава. – Могила. Только туда я не тороплюсь. У меня еще тут дела есть. И не болею я ничем, сроду не болела. Просто старость одолевает.

И, отдав письмо брата подругам, она выпроводила их со словами:

– Почитайте, а потом скажете, что поняли. Лично я то ли совсем глупа под старость стала, то ли просто не доходит до меня, но не разумею я, чего он мне в письме объяснить хотел. А вы идите! У вас головы молодые. Небось вы что-нибудь да сообразите.

И старушка прилегла на кровать прямо в одежде.

– Полежу. Передохну. А через часик вы ко мне приходите. Расскажите, что придумали.

И она закрыла глаза. А подруги помчались к себе. Письмо старого Лавра буквально жгло им руки, так им не терпелось прочитать его.

Глава пятая

Они его и прочитали. А прочитав, переглянулись. Письмо деда Лаврентия к сестре подруг откровенно разочаровало. Начать с того, что в нем действительно не было никакой конкретной информации, никаких конкретных указаний, где искать маску. Вместо этого старый Лаврентий перечислял список жертв маски. Оказалось, что их даже больше, чем назвала подругам баба Клава.

В числе тех, кто примерил маску Урода и погиб после этого, были еще двое друзей деда Лаврентия, сгинувшие в сталинских лагерях. Лаврентий подробно вспоминал каждый случай в отдельности и пытался обобщать. Обобщения были таковы, что маску следует уничтожить.

«Но так как у меня самого рука не поднимается ее расплавить, то сделай это ты, Клавушка! – писал дед Лаврентий сестре. – Бог с ними, с деньгами. Ты никогда жадной до них не была, я это знаю. Да и глупо под старость вдруг начать их любить. С собой на тот свет все равно ничего не возьмешь. Это я только под старость понял, а ты, я думаю, всю жизнь точно знала. Так что верю, ты с маской расправишься, как я того у тебя и прошу».

– Он в самом деле хотел, чтобы баба Клава ее уничтожила.

– Читай дальше!

Вместо этого Леся взглянула на конверт.

– Ого! Письмо почти три месяца назад написано!

– Какая разница! Читай!

«Настене доверить это дело я никак не могу, – продолжала читать Леся. – Ты ее знаешь. Она маску продаст или натворит с ней других глупостей. А я не хочу, чтобы маска продолжала свой кровавый путь. Ее надо уничтожить. Я так решил. И это есть моя последняя воля, которую я тебе и излагаю в этом письме».

– Но как это сделать, старик не пишет.

– Дальше что?

А дальше дед Лавр писал сестре:

«В благодарность за твою услугу я завещаю тебе дом и все, что находится в нем. Ну, ты, я думаю, понимаешь, о чем идет речь. Маска тоже тут, в том месте, где ей и надлежит быть. Там ее никто не найдет, кроме тебя, Клавушка. Потому что ты всегда была умницей. И помнишь наши с тобой детские игры в прятки и прочие игры в доме у родителей. Ты всегда так удачно пряталась, что никто из остальных детей найти тебя не мог. Вот я почему-то вспомнил о тех временах. И теперь точно знаю, что ты маску из тайничка вытащишь, уничтожишь и дашь моей душе долгожданный покой».

В письме было еще много сентиментальных и очень личных вещей. Дед Лаврентий под старость заново переживал всю свою долгую жизнь. И так как он ни с кем, кроме сестры и внучки, не общался, то и изливал свои мысли на бумаге, а потом отправлял их к сестре. Внучка не больно интересовалась дедом и его душевным состоянием. Видимо, дед Лаврентий это понимал. Но внучку свою не осуждал.

«Она молодая, еще жизни не знает. Зачем ей со стариком сидеть? Пусть уж лучше с мужем. Тем более что мужик он толковый. За ним она не пропадет, в этом я спокоен. Единственное, что тревожит меня, – это маска».

И дальше снова шли описание тревог деда и его воспоминания. Неожиданным диссонансом всему письму стал короткий абзац почти в самом конце.

«А недавно вспомнил я нашего дядьку Артема. Помнишь еще его? Нет, наверное. Давно это было. Ну, я тебе его напомним. Дюжий такой детина, в деревне у бабушки Фроси каждое лето гостил. Конечно, помер давно, а я что-то его вспомнил. Вышел вчера из дома, стою на крыльце, и он вроде как у забора стоит. Только с другой стороны. Ну, пока я очки искал, чтобы

разглядеть, его уже и не стало. Растворился в воздухе, как его и не было. Он-то растворился, а я все думаю, к чему бы это? Не иначе как и мой конец не за горами. Раз покойники уже мерещиться мне за оградой стали».

Дальше дед Лаврентий тепло попрощался с сестрой и обещал писать. Однако свою судьбу он предугадал верно. И больше написать сестре ему не довелось.

Подруги закончили читать письмо и переглянулись. Когда это не помогло, они спустились на кухню и налили себе по чашке холодного чаю с лимоном. Но и это не помогло собраться их мыслям. Федор храпел, Нинусик шебаршилась на чердаке, баба Клава дремала у себя в комнате. Все были при деле и в обществе подруг не нуждались.

Кире внезапно показалось скучным просто сидеть в доме, когда все заняты своим делом. И она предложила:

- Погода отличная. Может быть, пойдем на пляж?
- Пойдем!
- Тогда бери матрасик, купальники, крем от загара, масло для загара, полотенца и шляпы.
- Это все? – не без иронии спросила Леся.
- Все. Нет, еще письмо. На пляже перечтем еще раз.

Все эти вещи поместились в элегантную сумку из плетеной соломки, украшенную зелеными розами, которую Леся приобрела в комплекте со своей новой летней шляпой и шлепанцами. Все вещицы были выполнены из декоративной соломки. И необычайно нравились Лесе. Так что сумку она несла с удовольствием. А на долю Кире достался надувной матрасик, на котором было так приятно и мягко лежать! Совсем другое дело, нежели использовать старое покрывало, сквозь которое чувствуется каждый камешек и даже травинка.

До речки оказалось не больше десяти минут ходу. Даже меньше, чем подругам показалось в первый раз. Весь берег был одним сплошным пляжем. Кучерявая травка, мелкий песочек, журчащая прохладная вода.

- Живописное местечко! Тут и устроимся!

Подруги переоделись и взялись за подготовку к принятию солнечных ванн. Дело это, кто знает, не такое уж простое. По какой-то непонятной причине разные участки кожи реагируют на солнечные лучи по-своему. Почему они это делают? Должно быть, по той же причине, по какой волосы на голове ложатся как угодно, но только не так, как хочется их обладательнице. По той же, почему прыщи вскакивают на самом видном месте и непосредственно перед важным свиданием. И по той же причине, почему ногти на пальцах стараются растрескаться только что намазанный на них в дорогом салоне лак.

Одним словом, для того чтобы загар получился равномерным, подруги намазали грудь, верхнюю сторону рук и плечи фильтром от солнечного излучения. А вот ноги и живот, наоборот, маслом для загара. Оно и само по себе было темно-коричневого цвета. Приятно пахло пережженным деревом и делало ноги смугло-золотистыми почти сразу же.

Покончив с этими приготовлениями, подруги улеглись на велюровую простынку, прикрепленную к матрасу сверху специальными липучками. Поставили возле себя бутылочку питьевой воды с разбрызгивателем, чтобы увлажнять пересыхающие участки кожи, и наконец почувствовали, что загар начал схватываться.

– И что мы имеем? – произнесла Кира, когда ей надоело лежать молча и наблюдать за окружающими.

Поблизости копошились только мамы с детишками. Да какие-то грязноватые подростки возились возле еще более заляпанного грязью мотоцикла. Ничего интересного! И волей-неволей Кира вспомнила про загадку, которую подбросила им баба Клава.

- Где письмо?
- У тебя.
- Нет, у тебя.

– У тебя, я сама клала тебе его в сумочку.

– А я оставила ее дома!

– Но письмо я уже вытащила и переложила в свою соломенную!

– Так я и говорю, что письмо у тебя.

– А потом ты сказала, – невозмутимо продолжала Леся, – что оно там среди прочего барахла потеряется. И ты его вытащила и сунула к себе в карман шорт.

– Да, – сконфузилась Кира. – Верно. Тут оно.

Леся хмыкнула. И отвернулась. А Кира принялась снова изучать письмо. Читала она долго. А потом толкнула задремавшую за это время Лесю в бок.

– Слушай, а что там баба Клава рассказывала про того своего дядю, который жен своих лупасил?

– А? – сонно откликнулась Леся. – Что?

– Как звали того родственника бабы Клавы, на которого, она еще сказала, наш Федюнчик похож?

– Нет, не помню.

– Скажите, какая! Куда я письмо дела, она отлично помнит! – вспыхнула Кира. – А как что-то важное, не помнит!

– Дядя нашей бабы Клавы – это для тебя важно?

Леся даже глаза от изумления открыла. И уставилась на подругу.

– Зачем он тебе? Он же давно умер. Баба Клава сама так сказала.

– Да. Но как его звали? Ты помнишь?

– Нет. Хотя... Кажется, Артем. Да, она так и сказала, Артем.

– Вот оно что! – воскликнула Кира. – Кажется, я начинаю прозревать.

Леся зевнула. И спросила:

– Ты поняла, куда дед Лаврентий спрятал маску?

– Нет. Думаю, что это нам Клавдия Захаровна сказать должна.

– Она не помнит.

– Вспомнит, – уверенно произнесла Кира. – В письме дед намекает на то, как ловко в детстве баба Клава пряталась от других детей в каком-то тайнике.

– И что?

– Наверное, нечто подобное он соорудил и для своей маски.

И, приободрившись, подруги еще немного полежали на солнышке. Потом не вытерпели. Собрали свои вещи и помчались домой. Выпытывать у бабы Клавы, где она пряталась в детстве. И беседовать с Федюнчиком на предмет того, что ему нужно у них в доме. Если ничего, то пусть уматывает. А если есть что-то, что он ищет, то не мешало бы поделиться.

Мужик уже проснулся. И с недовольным видом сидел на скамеечке в тени у дома. Увидев подруг, он мигом разорался:

– Вы что мне за молоко такое притащили? Весь день проспал! И до сих пор голова чугунная!

– Чугунная она у тебя всегда! – буркнула себе под нос Леся. – А что проспал, очень даже хорошо. У нас от тебя головы отдохнули.

– Что сказала?

– Сказала, что сон для больных людей – это первое лекарство!

– Без советчиков обойдусь! Где вы шлелись?

– Тебе какое дело? – обозлилась на него Кира. – Ты нам кто? Муж? Брат? Или, может быть, сват?

Ответ Федора их сразил буквально наповал.

– Я в этом доме единственный мужчина получился, – заявил он им. – И поэтому должен контролировать вас всех! Вы, бабы, такие: чуть вам волю дашь, вы в загул пуститесь! Пока я тут, вы в каждом своем шаге передо мной должны отчитываться!

– Иди ты!.. – задыхнулась от гнева Кира. – Контролер нашелся! Лучше объясни, какого черта ты сюда к нам напросился!

– Вы сами меня пригласили!

– И не думали даже! Ты приехал, и не выставить тебя теперь!

– Нинусик...

– Даже не думай нам снова втирать про беременную Нинусика! Мы с ней говорили.

Ничего она не беременна.

Однако если подруги думали, что Федор смутится, они ошиблись.

– Сейчас нет, но будет, – заявил он подругам. – И все равно ей нужен свежий воздух!

– Брось! – почти завизжала Леся, а Кира кивнула и добавила:

– Вы что-то ищете в этом доме! Только вот что?

– Ничего не ищем!

– Ищете!

– Нет!

– Ищете, ищете! И я тебе даже скажу, что вы ищете!

– И что же?

– Наследство деда Лаврентия ты ищешь! Золотую маску Урода!

Услышав эти слова, Федор побледнел и озлобился. Причем зло поднялось и заплескалось у него у самых глаз до такой степени явственно, что подругам даже стало страшно. И они порадовались, что бабка Клава очень предусмотрительно вывернула Федору руку. С одной здоровой рукой он не очень-то сможет на них давить.

Однако девушки на всякий случай отошли от Федора подальше. Ведь как ни крути, а одна рука у него все еще оставалась здоровой. Но Федор и не думал за ними гоняться. А вместо этого угрюмо спросил:

– Кто вам сказал про маску? А-а-а! Не говорите! Сам знаю! Эта старая гримза из Тулы наплела чепухи!

– Да, баба Клава все рассказала нам про историю вашей семьи. И тебя она признала.

– Не могла она меня признать. В жизни с ней не виделась!

– Зато она видела и хорошо помнит твоего отца!

Некоторое время Федор мрачно молчал, сверля подруг пронизывающим взглядом. Понял, что отступать они не намерены. И решил частично покаяться. Заметив это, Кира поторопила мужика:

– Выкладывай давай про своего отца.

– Не отца, – еще более угрюмо поправил ее Федор. – Деда! Вот с дедом моим, да, баба Клава встречалась. Хотя лично я-то своего деда не знал. Когда я родился, он уже умер. Но говорят, я на него похож.

– Похож, – кивнула Кира. – Очень даже похож. До того, что дед Лаврентий, когда тебя увидел, за деда принял. За Артема.

– Ну, вы даете! – восхитился Федор. – А это вы откуда узнали? Вы же деда Лаврентия при его жизни не знали вроде. Или я чего-то неправильно понял?

– Все верно. Никогда не видали старика. И не говорили с ним.

– Откуда же про меня узнали?

– Из его письма!

Известие о письме привело Федора в сильнейшее волнение. Он потребовал, чтобы подруги немедленно показали ему это письмо. Да не на тех напал!

– Ничего мы тебе не покажем! – заявила ему Кира. – И знаешь что, вали отсюда подобру-поздорову, наследничек!

– Никуда не уеду!

– Это не твой дом!

– Но и не ваш!

Возразить на это подруги смогли только то, что они заплатили за аренду. Но это произвело на Федора весьма слабое впечатление.

– Никуда я отсюда не уеду, покуда маску не найду!

– Зачем она тебе сдалась?

– Реликвия! Никуда не уеду, пока не найду ее, – заявил он им, тяжело поднимаясь со скамейки. – И зарубите себе это на носу, сороконожки!

Подруги растерянно посмотрели ему вслед. И что им делать? Силой такого здоровяка им не выгнать. Это ясно. Напоить лекарством бабы Клавы и бесчувственным отвезти подальше? Так бесполезно, обратно дорогу запросто найдет. Да и не станет он больше пить молочко. Осторожный, зараза. Мигом понял, что неспроста целый день продрых без задних ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.